

Колдовские

Миры

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ВЕЧНОСТИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Annotation

Однажды в доме младшего из одиннадцати сыновей короля появилась немая девушка с глазами цвета моря и золотыми волосами. Так начинается эта новая сказка. И никто пока не знает, что случится дальше.

Вдруг диких лебедей расколдуют, но... как-то неправильно? А может, морская ведьма окажется доброй и мудрой, а фея, которая посоветовала плести рубашки из кладбищенской крапивы, – совсем наоборот? И кому удастся разорвать ее злые чары? Да и удастся ли?

Одно верно, как сказку ни рассказывай, а только любовь, преданность и отчаянная решимость позволят противостоять пришедшей в мир нечисти. Только готовый сегодня отдать свою жизнь за других получит в награду вечность.

Кира Алиевна Измайлова

Одиннадцать дней вечности

© Измайлова К.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

В лицо хлестал колкий снег, не было видно ни зги. Ветер продувал насквозь, теплая шаль давно потерялась в пурге, подол изорвался о ветки кустарника, в который я забрела, плулая почти что вслепую. Один башмак потерялся в сугробе, у второго оторвалась подошва, пришлось бросить и его. Чулки порвались, и ступни горели огнем, словно я ступала по раскаленным углям – странно, снег ведь такой холодный! А пальцев я уже не чувствовала вовсе. И к лучшему. Раз, упав и пытаясь подняться, я увидела свой кровавый след, быстро пропавший в поземке...

Я провалилась в овраг и чудом выбралась оттуда, не переломав ног, но теперь я была в снегу с ног до головы, и одежда уже не спасала от пронизывающего ветра. Но я шла вперед, спотыкаясь, падая и поднимаясь, потому что знала – если я не встану, то замерзну уже наверняка.

Кажется, мне удалось выйти или на дорогу, или на поле: снега по-прежнему было много, но под окоченевшими ногами ощущалась относительно ровная земля, а не бесконечные кочки и канавы, коварно выступающие узловатые корни и спрятавшиеся в сугробах кусты. Быть может, поблизости есть какое-нибудь жилье? Да пусть бы и стог сена – хоть немного обогреться, не чувствовать обжигающего ледяного ветра!

Впереди вдруг появилось что-то темное, и я, пытаясь разлепить обледеневшие ресницы – слезы замерзали на щеках, – в страхе подумала, что вьюга вновь закружила меня, и я опять свернула в лес и наткнулась на дерево...

Но чу!.. Сквозь посвист ветра я различила скрип снега, звяканье – и из снежной круговерти вдруг показалась лошадиная морда. Конь шумно всхрапнул, отпрянул и заржал, вскинувшись на задних ногах, а я, отшатнувшись, упала наземь.

Люди! Неужели это взаправду?

Если бы я могла, то позвала бы на помощь, но голоса не было. Сейчас они проедут мимо, не заметив меня, и тогда мне уж точно придет конец...

– Тише, тише! – слышала я. – Что с тобой?

– С вами все в порядке, господин? – окликнул кто-то еще, и я увидела еще несколько смутных теней – это были всадники.

– В полном, – отозвался тот, – только Шварц что-то заартачился.

– Позвольте, я поеду вперед, господин. Может, ему не по нраву пурга?

Второй конь едва не наступил на меня, но вовремя остановился, всхрапнув.

– Ого!..

– Что там, Ганс? – нетерпеливо спросил первый всадник.

– Человек, господин! – Второй тяжело прыгнул наземь.

Мужчина наклонился надо мной, смахнул перчаткой снег с моего лица...

– Это женщина! – крикнул он через плечо. – Совсем молодая и... да, еще живая, господин! Во всяком случае, дышит и вроде бы в сознании!

– Вижу... И что же ты медлишь? – раздалось сверху. – Бери ее в седло!

– Как прикажете, господин.

– Да закутай хорошенько, возьми хоть мой плащ...

– Уж обойдусь своим... – буркнул тот. – Эй, Марк, ну-ка, снимай обмотки – девка босая, поморозится совсем! Давай, поживее, а то и я окоченею, ишь, ветер какой, будто ведьмы

бесятся!

– Оставь, Ганс! – окликнул первый. – Давай ее сюда. Помоги, мне не справиться...

– Сударь, но...

– Делай, что я говорю! И давайте-ка, прибавьте ходу!

– А те трое?

– Небось не отстанут, – непонятно ответил мужчина. – Погоняйте!

Что делали со мной, я уже не чувствовала. Помню только, как меня подняли на руки и взгромодили на лошадиную спину, а потом меня укутала тяжелая шелестящая ткань, еще хранившая тепло владельца. Ну а стоило мне немного отогреться, как я канула в беспамятство и не запомнила ни бешеной скачки («Погоняй, Ганс, погоняй!» – слышала я время от времени сквозь посвист ветра), ни того, что было потом.

* * *

Если я и приходила в себя, то ненадолго, и тогда в горло мне лились горькие настойки, бульон и терпкие травяные отвары. Все тело болело, будто меня избили палками, я горела и задыхалась, словно стояла у столба и под ногами у меня пылал костер...

– Не выживет, – слышала я иногда сквозь пелену беспамятства. – Куда там!

– Как знать, с виду-то хлипкая, а такие, бывает, крепче иных дородных...

Это были женские голоса, видно, говорили те служанки, что поворачивали меня, беспомощную, с боку на бок, обмывали меня и меняли белье.

– Ну что? – услышала я однажды мужской голос, тот самый, что принадлежал всаднику... как звали его коня? Шварц? Да, Шварц... А наездника называли господином, это я помнила. – Как она?

– Будем надеяться, пойдет на поправку, сударь, – ответил кто-то. Этот голос принадлежал человеку немолодому, должно быть, лекарю. – Видно, этой девушке пришлось немало пережить, но она отчаянно цепляется за жизнь, и мой долг – помочь ей удержаться на этом свете.

– Уж постарайтесь, мастер, – негромко произнес первый мужчина. – Я, признаюсь, хочу узнать, кто она такова и что делала в такую пургу вдали от дома.

– Будем надеяться, сударь, она сумеет поведать об этом, когда очнется, – сказал лекарь. – Но я могу сказать вам наверняка: она не простолюдинка. Она была разута, а ноги ее – изранены в кровь, но сразу видно – прежде этой девушке не приходилось ходить босиком иначе как по мягким коврам. А это? – Я почувствовала, как он взял меня за руку и повернул ее ладонью вверх. – Ногти обломаны, кожа исцарапана, но взгляните сами – эти руки никогда не знали работы!

– В самом деле. – Тот, другой осторожно провел пальцем по моей ладони. – У ребенка и то не такая нежная кожа...

– Одежда на ней была добротная, хоть и изорванная в клочья. И еще – ее волосы, сударь, – завершил лекарь. – Признаюсь, я велел служанкам остричь их, чтобы не развести паразы, но они воспротивились.

– И правильно сделали, – серьезно ответили ему. – С ума сойти, какая красота, а вы – сразу резать!

– А если бы вши? – занудно спросил тот.

– Если бы! Если бы – тогда бы и думали, что делать... Да, у простолюдинки не может быть таких волос. Вы взгляните, мастер, не у всякой придворной дамы увидишь такое богатство!

– Да уж вижу, сударь, – ворчливо ответил тот. – Служанки ваши постарались, несколько гребней изломали, пока расчесали ее гриву! Спасибо, дали хоть укоротить: снизу у нее волосы обгорели. Немудрено, небось по недомыслию опалила у очага... Ну, идемте! Она спит и будет спать еще долго, успеете насмотреться!

– Уж и посмотреть нельзя, – проговорил более молодой с каким-то странным выражением. – Мне только это и осталось.

– Не казните себя, сударь, – негромко произнес лекарь. – Это не ваша вина. Идемте...

У очага? Нет, это был не очаг, – вспомнила я, уже когда стихли шаги. – Кто-то швырнул факел, и если бы не сугробы, я бы сгорела заживо, а не просто опалила волосы.

Тогда, наверно, я стала бы похожа на комету, предвестницу несчастий: длинный огненный хвост стелился бы за мной – горящие волосы и платье... Спасибо, я догадалась броситься в снег, а добрая женщина помогла сбить пламя – запах оказался невыносимо мерзким, но я не могла сама обрезать обгоревшие пряди, нечем было...

Не помню даже, как покинула город. Кажется, та же женщина подняла меня на ноги, накинула мне на плечи свою потрепанную шаль и сказала, мол, иди скорей отсюда, иди, пока жива. Авось встретишь добрых людей, помогут, а нет, ну... храни тебя Создатель!

Так я и шла несколько дней, немного проехала на подводе какого-то крестьянина, потом прибилась к обозу – мне еще было чем заплатить и на что купить припасов, – ну а дальше, когда кончились деньги, пошла пешком. Я хотела добраться до побережья, но силы таяли, мороз крепчал, и ясно было, что я никогда уже не увижу моря... Я сбилась с пути в начавшемся снегопаде, и если бы не эти случайные всадники, должно быть, не встретила бы рассвет.

А солнце светило ярко, я чувствовала это сквозь сомкнутые веки, и когда приоткрыла глаза, поспешила зажмуриться – я совсем отвыкла от солнечного света и смотреть на него было больно.

Не сразу я решилась разомкнуть ресницы и взглянуть по сторонам.

Это была большая спальня, королевской впору – на такой кровати немудрено потеряться, я и терялась, как на огромном заснеженном поле. Балдахина не было, и я могла видеть расписной сводчатый потолок: в синем небе, в самом зените стояло ослепительное золотое солнце, а по восходящей спирали к нему поднимались белоснежные лебеди... Их было одиннадцать, я пересчитала.

В высокие окна лился солнечный свет, и, кажется, зима уже пошла на убыль – так звонко щебетали незнакомые птицы. Зимой они молчат, а раз так распелись – весна уже на пороге! Сколько же я пролежала без памяти?

Я с трудом подняла руку, и мне показалось, будто пальцы у меня сделались прозрачными, как лед по весне, – солнце едва ли не просвечивало сквозь них. Длинные волосы – чьи-то заботливые руки заплели их в косу, чтобы не путались, – не сияли, как прежде, а были цвета старой соломы. Какова я теперь на лицо, не хотелось даже представлять...

– Да вы очнулись, сударыня! – воскликнул кто-то, и, повернув голову, я увидела крепкую немолодую служанку в белоснежном накрахмаленном переднике. Она, с неожиданной для такого сложения резвостью, кинулась ко мне и деловито спросила, поправив мне подушки: –

Может, изволите чего? Напиться? Сейчас...

Она поднесла к моим губам кружку с водой, и я пила, пока кружка не опустела, а после поблагодарила женщину улыбкой.

— Скажите хоть, как зовут вас, сударыня, — попросила служанка.

Я только вздохнула, приложила палец к губам и удрученно развела руками.

— Не можете говорить, что ли? — поняла она, покачала головой и добавила негромко: — То-то мастер Йохан удивлялся: ни застонете, ни ахнете... Ох, бедняжка... Ну так хоть понимаете ведь, что люди говорят? Ой, да что это я, понимаете, видно же! Простите, сударыня!

Я улыбнулась.

— Поесть не желаете? — деловито осведомилась служанка, дождалась кивка и добавила: — Ох, да только мастер Йохан в отъезде, я и не знаю, чего вам можно давать, а чего нельзя... Бульончику, может?

Я решительно помотала головой — есть хотелось очень ощутимо, а что толку с той водички?

— А может, все же выпьете чашечку? Говорят, крепкий бульон самое оно для больных!

Мне представилось жирное варево, запах мяса, и к горлу подкатил ком, я даже зажала рот руками...

— Похоже, не пойдет, — констатировала служанка. — Чем же вас кормить-то, сударыня? Кашку сварю, пойдет? Тоже нет? Эх, знать бы, откуда вы родом, да что у вас принято стряпать! А как догадаешься?

Я огляделась в поисках хоть какой-нибудь картины или гобелена, чтобы можно было указать, но, как нарочно, в этой спальне шелковые обои были увиты виноградными лозами, и только расписной потолок... Ну конечно!

— Ну не с неба же вы упали, сударыня, — вздохнула служанка, проследив взглядом за моей рукой. — И не с солнца. Это только в сказках люди на солнце да на луне живут...

Я изо всех сил помотала головой, так что коса растрепалась (я снова поразилась, до чего же тусклыми стали мои волосы), и указала чуть вбок и ниже, туда, откуда поднимались к солнцу белые лебеди, на голубой туманный берег, почти неразличимый снизу.

На лице служанки отразилась усиленная работа мысли. Я снова огляделась, взяла кружку с подноса и указала внутрь.

— Еще напиться дать? — отреагировала та. — Нет? А... Ох, голова моя дурная! Вы с побережья? С речного? Нет? С морского, значит... Ага! Ну, тогда я знаю, чем вас порадовать, сейчас на кухню сбегая, сегодня как раз камбалу готовили, объединение...

Уже в дверях она оглянулась и добавила:

— Это повезло вам, сударыня, мы ж на самом берегу, считай, живем! Самое оно для морской-то души! И рыба свежая что ни день, знай, выбирай...

«На самом берегу? — удивилась я. — Что же, я все-таки добралась до моря? Каким-то чудом, не иначе...»

Конечно, нужно было идти вдоль реки до самого ее устья, так мне не пришлось бы плутать, но и нашли бы меня мгновенно, если бы захотели. И это отняло бы слишком много времени, а я хотела взглянуть на море перед смертью, потому и рискнула пойти напрямик. Однако я все еще была жива, хотя времени, должно быть, прошло немало... Как странно!

Впрочем, тут служанка принесла уставленный тарелками поднос, и я позабыла обо всем, до того аппетитно пахли эти яства... Правда, я предпочла бы съесть мидий сырыми, но

и суп из моллюсков оказался выше всяческих похвал, а уж камбала в горшочке и икра на льду...

– Я уж всего понемножку положила, сударыня, – сказала служанка, увидев, должно быть, как у меня разгорелись глаза, – с ходу-то много нельзя, дурно станет, вы, почитай, два месяца толком не ели!

Наверно, на лице у меня было написано изумление (что там, я даже ложку выронила!), потому что она поспешила пояснить:

– Подобрали-то вас в конце января, в самую стужу, а теперь уж апрель на носу, сады вот-вот распускаться начнут!

Два месяца?! Но как такое может быть? Неужели... нет, нет, чудес не бывает, мне ли не знать!

– Меня Анной звать, – продолжала тем временем словоохотливая служанка, раздвигая шторы пошире. В самом деле: небо сияло голубизной, доносилось веселое птичье чириканье, а в приоткрытое окно лился весенний аромат – так пахнет не просохшая еще земля и едва пробивающиеся первоцветы... Хотя о чем это я? Подснежники уже, должно быть, сошли, настало время других цветов! – Имя мое вам, правда, без надобности, коли у вас голоса нет, ну так я вам колокольчик принесла, позвоните, когда понадобится. Он звонкий такой, издали слышать!

Анна забрала поднос, вздохнула и доверительно добавила:

– Мастер Йохан-то уже и не надеялся, что вы очнетесь. Сказал, после такой горячки если человек в себя и придет, будет бревно бревном, ничего не смыслить и не понимать. Ан поди ж ты! Экую вы ему дулю под нос... Верно Мари сказала: иные худые крепче дородных!

Я невольно улыбнулась.

– И его высочество рад будет, – продолжала она, – очень уж ему хочется узнать, откуда вы взялись да что с вами приключилось! Все ждал, когда же вы в себя придете и сможете рассказать, да вот только... А хотя он уж придумает что-нибудь! Даже я с вами сталкивалась худо-бедно, а ему ума не занимать...

Тут Анна хотела было всплеснуть полными руками, но вовремя вспомнила, что держит поднос.

– Вот голова моя садовая! Вы ж, поди, грамоте обучены? Сможете написать, кто вы, откуда да что стряслось?

Я молча покачала головой. Выучиться писать я не успела. Разбирала буквы, но читать почти не могла, с десятков слов, не больше. Даже имени своего записать не умела... Впрочем, его и выговорить бы смог не каждый.

– Как же так? – удивилась Анна и отставила поднос. – Благородная девица – а по всему видать, что благородная, и грамоте не обучена? Или у вас родители были из таких, что всякую науку дочерям запрещают, а те потом ни посчитать, где их управляющий обманул, ни письмо милому другу написать не могут?

Я снова отрицательно покачала головой.

– А может, вы иностранка? – придумала служанка и от волнения принялась поправлять чепец, но вместо того сбила его набок, сделавшись похожей на упитанную маргаритку с растрепанными лепестками. – А и точно, я слыхала: по-нашему чужеземцы и понимают, и говорят, а писать не сразу выучиваются! А что купцы сторговаться могут, так они с цифирью дружат, а цифры везде одинаковые... Так, сударыня?

Я кивнула. Мне очень нравилась Анна: она сама придумала для меня прекрасную

историю, сама поверила в нее, а теперь, чего доброго, убедит всех остальных. Ну и славно...

– Ну вот, теперь хоть понятно кой-чего, – довольно сказала Анна и снова взяла поднос. – Видно, вы недавно в наших краях, не то б живо всему обучились! Даже я и то худо-бедно писать приспособилась – его высочество от нечего делать выучил, когда болел, а я с ним сидела. Я ж его совсем маленьким помню... Кормилица я его, – пояснила она. – Так при нем и осталась, и слава Создателю, что надоумил его отца меня обратно в деревню не прогонять, не то не было б уж моей кровиночки...

Я ничего не поняла из этой тирады, а Анна, кажется, сообразила, что сболтнула лишнее, потому что поспешила добавить:

– Его высочество маленьким болел много, а уж капризен был – только меня и терпел. Ну а лежать целыми днями поди-ка скучно, вот он и выдумал меня грамоте учить... А человек он упрямый, решил – значит, сделает. Так что теперь если кому из слуг что написать или прочитывать надо – это меня зовут, не мастера же Йохана, это ему не по чину! Ну, – проговорила она, подумав, – буквы-то я вместе складывать умею, только не все слова понимаю. Как-то заглянула в господскую книжку – ох, и мудрёно же! Ну да мне того и не надо...

Анна осеклась, потом сказала виновато:

– Уж простите, сударыня, заболталась я. Целыми днями молчком да молчком: его высочество со свитой уехали, да, видно, надолго. От вас не отойдешь, разве что на кухне с товарками словечком перебросишься. А у меня язык на привязи не держится, сколько раз меня ее величество, покойница, за то бранила...

Она размашисто осенила себя знаком Создателя и тяжело вздохнула:

– Уж не сердитесь. Постараюсь помалкивать, а то будто вам охота мою болтовню слушать...

Я всем своим видом и жестами постаралась выразить, что мне вовсе не мешает ее монолог. Наоборот, пускай Анна говорит побольше: так, быть может, я узнаю, где очутилась и что происходит за этими стенами! Я бы расспросила, но как?

Конечно, Анна придумала, как нам с нею общаться: смекалки ей было не занимать. Она быстро приловчилась задавать мне вопросы, на которые нужно было отвечать только «да» или «нет», а еще приспособилась понимать мои жесты. Я решила: это потому, что Анна много нянчилась с маленькими детьми, которые еще толком не умеют объяснить, чего хотят, где у них болит, почему плачут... да и вовсе еще говорить не умеют! Должно быть, я теперь казалась ей таким вот ребенком...

Ну а рот у моей новоявленной нянюшки не закрывался ни на минуту, и если бы я не стосковалась по общению (пусть я и могла поддерживать беседу только жестами), то скоро утомилась бы от непрерывной болтовни. Но мне так давно не встречались люди, которые смотрели на меня не как на диковину, не показывали исподтишка пальцами, не шипели за спиной гадости, что я готова была слушать ее часами. (Конечно, на кухне Анна наверняка сполна удовлетворяла любопытство других служанок, но от сплетен прислуги никуда не денешься, будь ты хоть королевой, хоть последней нищенкой! С этим можно было только смириться.)

Наконец что-то стало проясняться. Хозяин этой усадьбы – не замка даже, именно усадьбы, был самым младшим сыном в королевской семье, а потому и не помышлял о престоле. Король скончался не так давно, на престол вступил старший из братьев, а младшие разъехались по доставшимся им владениям. Вот и этот принц удалился в усадьбу у моря («У моря!» – с волнением подумала я, и сердце забилось чаще), где и живет спокойно не первый год.

Он еще достаточно молод, жениться не спешит, говорит, что успеет выбрать себе супругу по сердцу, а не по богатому приданому, какие его годы? Да и что достанется его детям в наследство? Скромные охотничья угодья, несколько деревень, и те в основном рыбацкие – море кормит всю округу.

Но поди объясни кому, что побережье тут богатое! Для больших кораблей оно не годится, порт не построишь: отмель уходит далеко в море, а еще здесь очень коварные скалы. Рыбачьи баркасы и небольшие шхуны проходят легко, а корабль покрупнее мигом сядет на рифы, и лоцман не поможет: даже в самый высокий прилив верхушки скал едва прикрыты водой, а в отлив они кажутся островами. На скалах этих отдыхают перелетные птицы, к ним причаливают рыбаки, ставят ловушки на морских гадов, собирают моллюсков, которые облепляют камни, сказала Анна, чуть не в три слоя. Главное, не жадничать и оставлять молодь на развод, тогда морская жатва будет богатой из года в год.

Тут я кивнула: это понятно любому, кто кормится хоть с земли, хоть из моря. Выбери все до последнего малька – и на будущий год не увидишь прежних рыбьих косяков, оголодают акулы и дельфины, откочуют в другие воды, подадутся прочь морские птицы. Перебей маток и молодняк – и не увидишь уже оленей и диких коз, кабанов и зайцев, да и дикие лебеди уже не прокличут свое «гонг-го!» над твоими землями, если бить их ради забавы!

Такое уже бывало, и не раз, но, кажется, этому побережью достался рачительный хозяин.

Ну а тем памятным днем его высочество решил лично отправиться в леса – егеря сообщили, что какие-то заезжие браконьеры вовсе потеряли совесть. И пусть двоих поймали и вздернули на суку, другие продолжают бесчинствовать. Это не местные, сказала Анна,

сразу понятно. Хозяин не запрещает охотиться в своих лесах, но только в сезон. Правда, если какой-нибудь бедняк хоть когда поймает в силки зайца или куропатку для детишек, скорее всего, ему простят это преступление, да только таких голодающих в округе и не сыщешь: кто не может кормиться от земли, идет в море, рыбы на всех хватит, а еще есть водоросли и моллюски, с голоду этак точно не умрешь!

Охотники – дело другое, но они больше по пушному зверю. За оленями да кабанами чаще ходят люди знатные и богатые, со сворами натасканных собак, загонщиками, егерями... И чаще не добычи ради, а ради одного только развлечения!

Правда, добавила Анна, его высочество охоту не слишком жалует, но придворным не запрещает. Тут она как-то странно примолкла, а я вспомнила ее слова о болезни хозяина и подумала: должно быть, покалечился на охоте или еще что случилось, с тех пор и не желает этим заниматься – я слыхала о таком.

Словом, хозяин поехал проверить, действительно ли браконьеры бесчинствуют: вырезают лакомые куски из туш, а прочее бросают... Анна сказала, у его высочества такой нрав, что он не успокоится, пока не покончит с делом так или иначе.

В этот раз охота удалась – браконьеров приволокли на веревках, привязав к лошадям, и, должно быть, тот единственный, кому удалось скрыться, благодарил Создателя: его товарищей и вешать не пришлось, они окоченели по дороге, такая стояла стужа! А его высочество еще приказал дать крюк да показать изловленных браконьеров в окрестных деревнях – вдруг за ними еще какое-нибудь злодеяние числится, грабеж или насилие? А ну как опознают их?

Признаюсь, мне это вовсе не понравилось: я знала, что люди бывают жестоки, да что там! Чаще всего они именно таковы, но эта жестокость мне показалась слишком уж расчетливой. Уж не мстил ли принц за свое увечье (я почти уверилась в том, что с ним приключилась какая-то беда) случайным людям? В самом деле, повесить их прямо в лесу было бы куда милосердней, чем волочить за собой по снегу...

Правда, тут же подумала я, не вздумайся его высочеству поступить именно так, он со свитой никогда не оказался бы на той дороге, не наткнулся бы на меня, и нашли бы мое тело, хорошо, если по весне... Может, и вовсе бы не нашли: тут зверья достаточно, сказала Анна, живо бы растащили косточки!

Повезло. Только к чему мне это везение? Что делать дальше, как жить? И долго ли мне осталось? Это заботило меня больше всего: я была в двух шагах от моря, но настолько ослабла, что не смогла бы добраться до него, даже знай, что умру на закате!

Несколько дней миновало прежде, чем я решилась встать.

– Да погодите вы, сударыня, сперва окрепнуть нужно! – отговаривала меня Анна. – Appetit у вас хороший, вон уж и волосы заблестели, и пальцы напросвет не видать, так потерпите еще немножко!

Я, однако, решительно откинула одеяло и протянула Анне руки, чтобы помогла мне подняться. Она подчинилась, ворча, правда. Ну и, конечно, прежде накинула мне на плечи поверх ночной сорочки широкую теплую шаль, почти такую же, как дала мне та добрая женщина в городе, о котором я мечтала забыть навсегда.

Я знала, что сделать первый шаг будет тяжело, но все равно не удержала равновесия и пошатнулась. Спасибо, Анна успела меня поддержать.

– Говорила же, рано вам вставать, сударыня! Дождались бы хоть мастера Йохана... Я забыла вам сказать: давеча голубь прилетел – они уж обратно собираются!

«Пока доедут, меня уже может не стать», – сказала бы я, если бы сумела, но я могла только улыбнуться и шагнуть к окну. Первый шаг – самый трудный, дальше становится легче, это я знала давно, и если уж я когда-то не умерла на месте, когда боль, казалось, достала до самого сердца, то и теперь могла вытерпеть.

– Ну ведь вижу же, что больно вам, – не унималась Анна, поддерживая меня под локти, – не зажили еще ножки-то! Сказать страшно: и поморозились вы, сударыня, и в кровь всё стерли, как только шли! Мастер Йохан сказал, чудеса просто, бывало, и от меньшего люди ноги теряли, то есть отрезать приходилось. Повезло вам...

«Да, повезло, – усмехнулась я. – Остаться без ног я не сумею, даже если очень этого захочу!»

За окном видны были холмы, подернутые едва заметной нежной зеленой дымкой – видно, сюда весна еще только пришла. А за холмами... нет, это было не небо, вернее, и небо тоже – оно, синее-синее, весеннее, растворялось в море, бескрайнем, светлом и спокойном: зимние бури уже прошли, а весенним срок еще не настал.

Ветер донес соленый запах, и я улыбнулась. Все-таки удалось...

– Дышится-то как, а? – по-своему истолковала мою улыбку Анна. – Но вы лучше присядьте, сударыня, а я вам одеться принесу. Уж простите, платья простые, своих швей придворные дамы с собой увезли, так что мы с Мари уж сами, тяп да ляп, как умеем... Да и не обмерить вас было толком, так что не обессудьте! Не побрезгуете?

Я покачала головой и снова улыбнулась. Пожалуй, Анна приbedнялась: платья вышли очень недурными и сидели так, будто их пошил придворный портной.

– Вот и ладно, – довольно сказала она, поправив мне подол. – Покамест сойдут, а там уж наши мастерицы вернутся, оденут вас, как знатной даме полагается, а то мы с Мари и не знаем, как все эти финтифлюшки да сборочки делать...

Мне было очень интересно, что это за Мари такая – я еще ни разу ее не видела, – но спросить, конечно, я не могла.

– А башмачки вам пока не надеть, – добавила Анна, – с повязками-то. Ну да я вам войлочные туфли принесла, навроде ночных – под платьем все одно не видно, а зато тепло, не застудишься!

Я никак не могла поблагодарить ее, разве что улыбкой. Ну разве что еще взять ее руку в свои и искренне пожать... Казалось бы, малость, но добрая женщина растрогалась, суетливо собрала разбросанные вещи и выбежала прочь.

Я же снова посмотрела в даль, на сверкающие под солнцем волны. Присмотревшись, можно было различить далеко выдающийся в море скалистый мыс, на окончании которого высился старый маяк. Было время, его совсем забросили, сказала Анна, но когда его высочество переселился из отцовского дворца в эту усадьбу, он приказал снова зажигать огонь на маяке. Пусть большие корабли сюда не заходят, а рыбаки (и контрабандисты, слышала я) знают берег как свои пять пальцев, но маяк должен светить. Теперь там живет старик, добавила она, он в детстве носил прежнему смотрителю припасы и частенько оставался ночевать на маяке, чтобы встретить рассвет. И вот, на старости лет снова встречает его едва ли не самым первым...

Погода испортилась, как это бывает по весне на побережье: только что ласково пригревало солнце, и вот уже тучи закрыли небо, а свирепый ветер рвет нежную листву с деревьев...

Садам ничто не угрожает, объяснила Анна, предки знали, как строиться. Мыс и холмы закрывают уголья от особенно лютого ветра. Правда, от града не спасут, но для него еще рановато. Да и нет тут больших пашен, которые могут пострадать... Вот завязи с деревьев побивает, это скверно, ну да уж несколько лет такого не случилось, хвала Создателю!

До усадьбы долетали лишь отголоски шторма, но все же стекла в оконном переплете часто вздрагивали от его порывов, а пламя в камине то вспыхивало, то угасало (приходилось разжигать огонь – стало холодно почти как зимой). В подножие маяка – его свет едва был виден даже среди дня – бились волны. Там, за рифами, после отмели, сразу начинается большая глубина, сказала Анна, поэтому тут такой страшный прибой.

Бывают шторма и посильнее, но все равно не позавидуешь тем, кого непогода застигла в море, да и на суше путникам приходится несладко... Хорошо, если попадется по дороге гостеприимный дом, где можно отогреться и высушить вещи, а если нет? Каково ночевать под открытым небом, я помнила даже слишком хорошо!

А его высочество задерживается, сообщила Анна удрученно, прислал гонца – тот приехал совсем измученным. Но то человек, а почтовый голубь просто не долетит в этакый ураган! А хозяин не любит, чтобы о нем волновались понапрасну, вот и послал весточку...

«Задерживается», – повторила я про себя. С одной стороны, это и хорошо: я не знала, как объяснить незнакомцу, кто я такая и откуда взялась. С другой – чем дольше ждешь, тем тяжелее становится на сердце.

– Сударыня, – окликнула Анна, – а я вот что придумала, если вы возражать не станете... Чем в окошко глядеть... Да и на что там глядеть, небо свинцовое да дождь проливной! Словом, вдруг не побрезгуете?

И она положила передо мной грифельную доску.

– Я же говорю, грамоте худо-бедно обучена, – серьезно сказала служанка, – и детишек учила. А у вас разумения всяко побольше будет! Глядишь, хоть имя свое напишете... Что скажете? Вы только уж не сердчайте, я вас обидеть не желаю, просто скучно ж так просто сидеть... Попробуете?

Я невольно засмеялась, а потом кивнула несколько раз. И как мне самой это не пришло в голову?

Учительница из Анны вышла строгая. По утрам после завтрака она задавала мне «урок» – списать от сих вот до сих из толстой книги. Это были предания о подвигах великих героев древности: сперва Анна несколько раз читала вслух те строки, которые мне надлежало переписывать, и говорилось в этих отрывках то о спасении дев, то о сокрушении врагов, то о победах над чудовищами... Признаюсь, принеси она что-нибудь из душеспасительных сочинений или назидательных романов, которые, помнится, дамы читали друг другу по очереди вслух, я быстро бы утомилась от таких занятий. Тут же хоть интересно было узнать, сокрушил ли рыцарь Эльрих дракона или пал смертью храбрых, умерла ли прекрасная Ленора от горя и страданий по потерянному возлюбленному или же вышла замуж за его друга и прожила счастливо до скончания дней своих?

Буквы я уже знала, отдельные слова, повторюсь, разбирала, а метод Анны, судя по всему, мог принести определенные плоды в будущем. Правда, боюсь, в очень отдаленном будущем: как она сама призналась, буквы-то она в слова складывать умела, а смысл написанного понимала далеко не всегда и втолковать его мне не могла. Наверно, обычный учитель управился бы быстрее, но где было его взять? Должно быть, этот мастер Йохан был человеком ученым, но он сопровождал хозяина в дальнем странствии, да и вряд ли бы стал возиться с невежественной немой девицей!

Так я думала, то глядя на свинцово-серые тучи за окном, то бездумно рисуя на грифельной доске. Положенное я уже давно переписала и даже, кажется, уловила, почему одно и то же слово оканчивается по-разному, и мне было скучно. Анна все не шла, и я уж решила поискать дальше по тексту знакомые слова, но сперва дорисовать в уголке доски то, что начала: полураскрывшуюся розу в обрамлении выюнка – похожая была на одной миниатюре в книге, но мне она показалась недостаточно живой... И увлеклась.

– Ой... – прошептала Анна у меня над ухом, и я чуть было не выронила грифель от неожиданности. – Это вы сами, сударыня? Ох, что я глупости говорю, голова моя дурная! Кому ж, кроме вас...

Она отступила на шаг и полюбовалась рисунком.

– Сразу видно даму благородную, – сказала Анна наконец. – Их всех рисовать учат и музицировать... ну, кому медведь на ухо не наступил! Вы, может, тоже умеете?

Я кивнула.

– А танцевать?

Это я тоже умела, успела выучиться даже самым сложным танцам, долго ли, так что снова кивнула.

– Ну вот, – снова кивнула Анна и повернула доску. – Эх, такой бы узор да вышить, вот красота бы получилась? А вы, сударыня, вышивать-то как... можете?

Я снова покачала головой:

– Не умеете? Или не любите?

Я показала на пальцах – второе. Не люблю... Хотя в самом деле – не умею. Но лучше об этом не упоминать: тут девушки, если родились в знатной семье, обучены этому искусству, а вдобавок умеют кроить и шить – если они чуть похуже происхождением, ну а крестьянке не уметь этого всего, да еще прясть и ткать вовсе зазорно!

– Ну что ж, дело хозяйское, – вздохнула Анна и добавила: – Сударыня, а можно, я эту доску возьму, а вам другую принесу? Внучке Мари покажу, пускай вышьет! А то так-то она мастерица, если по готовому узору, своей-то выдумки никакой. А так, глядишь...

Я подумала, потом взяла грифель, изобразила, будто рисую, и выразительно взглянула на служанку. Она нахмурилась, потом сообразила:

– Вы еще нарисовать можете? Ага... Тоже дело! Замучаешься целый день буквы выводить, а тут какая-никакая радость, верно, сударыня? Только я досок не напасусь: сразу-то не сотрешь, пока еще Мия сообразит, как это лучше вышить...

Анна снова задумалась, потом вдруг сказала:

– Вот что! Точно знаю, у его высочества в кабинете бумаги сколько угодно, да и у мастера Йохана тоже. Только к нему лучше не ходить, очень уж он сердит, а его высочество не осердится, если у него несколько листочков взять!

Я подняла руки, мол, не надо! Попадет-то Анне, не мне, с меня что возьмешь?

– Да не бойтесь, сударыня! – махнула она рукой.

Иногда мне казалось, будто служанка – моя ровесница, но если она говорит, что помнит хозяина маленьким ребенком, что была его кормилицей, то ей уже под сорок, а может, и больше! Ну, если принцу, конечно, не пятнадцать лет... Впрочем, по разговорам выходило, что он все-таки постарше.

– Я сбегая сейчас, – добавила Анна, а я решительно встала. – Тоже пойдете?

Я кивнула и улыбнулась. Дескать, если проказничать, так уж вместе! А если поймают, сделаю вид, будто это я приказала... Хотя кто мог нас поймать, если хозяина не было дома?

В коридорах и впрямь было пустынно: должно быть, слуги грелись у очага на кухне.

– Отпереть двери я могу, – негромко сказала Анна и отцепила с внушительной связки кольцо с двумя ключами. – Его высочество только мне доверяет у себя прибираться. Другие, говорит, непременно все по-своему разложат, потом не найдешь ничего! Ну да увидите...

Я увидела, о да! В хозяйских покоях царил вдохновенный беспорядок: книги, бумаги, какие-то вещи были раскиданы повсюду, но владелец, должно быть, легко находил нужное.

– Что правда, то правда, прибираться замучаешься. – Анна словно прочла мои мысли. – Ничего с места на место переложить нельзя! Ну, я уж приловчилась за столько-то лет: подыму какую-нибудь книжку, пыль протру и на место кладу. Если чуть-чуть сдвинуть, его высочество не замечает... Сам, может, задел невзначай! Погодите-ка, сударыня, сейчас найду...

Она открыла какой-то шкаф и принялась перебирать содержимое, бормоча себе под нос, а я огляделась. Внимание мое привлек массивный письменный стол – по нему тоже были разбросаны бумаги, а чернильница наклонилась так, что грозила залить своим содержимым всё вокруг. Я подошла, поправила ее, немного запачкав пальцы, нечаянно смахнула рукавом какой-то листок и поспешила поднять его, чтобы вернуть на место.

«Здравствуй, Элиза!» – успела я прочитать (первое слово я выучила давно, а второе узнала – так звали героиню легенды из книги для переписывания) и тут же положила листок на стол. Кто была эта Элиза? Возлюбленная, подруга, сестра? Как знать...

– Вот, нашла! – Анна вынырнула из глубин шкафа и водрузила на край стола большой пыльный ящик. – А вот и альбомы... Не считите за труд, сударыня, возьмите их, они легкие. А не то мне всё разом не ухватить, а еще дверь закрыть надо...

Я взяла большие альбомы – в одиночку со всем этим хозяйством и впрямь было не совладать, подождала, пока Анна запрет дверь, и вслед за нею вернулась в свои покои.

– Вот, стало быть, – сказала она, поставив ящик на стул и обмахнув пыль краем передника. – Глядите-ка, сударыня, тут вот много чего. Его высочество в детстве учился рисовать, ну, как полагается. Музицировать-то его едва заставили, а вот это дело он любил. Теперь-то уж, ясно, ему недосуг...

Анна почему-то отвела взгляд и поправила выбившиеся из-под чепца темные кудряшки.

– Разберетесь? – спросила она чуточку поспешно и открыла крышку. – Тут вот карандаши разные, он мне пытался объяснить, да я запомнила, какой для чего... Вот кисти, а тут краски, только их как-то растирать да водой разводить надо, тут уж я вовсе ничего не понимаю! А альбомы его...

Анна взяла один и перелистала – он был изрисован едва наполовину.

– Хватит уж покамест, – сказала она извиняющимся тоном. – Его высочество не обидится, поди.

Анна протянула альбом мне, я взяла его и открыла наугад.

Тут было много набросков – видно, сделанных неопытной рукой, лишь бы учитель

отвязался: вот берег, вот маяк, вот деревья – узнать можно и ладно! Попадались среди них, однако, и зарисовки, пусть и небрежные, но исполненные с душой: старый рыбак показывает, какую громадную рыбу выловил; прачка несет корзину с бельем; придворная дама в пышном платье сплетничает с подругой, прикрываясь веером... Тут примечательны были лица – живые, настоящие, а фигуры и фон не были прорисованы вовсе. Если же были, то рисунки казались, скорее, карикатурами. Видно, его высочество был весьма наблюдателен и умел схватить суть вещей!

А вот и Анна на рисунке – этакая деловитая тетушка, наставляющая беспутного отпрыска...

Я тронула ее за рукав и указала на рисунок.

– Ох... да это ж я! – засмеялась она, присмотревшись. – Ну точно, всегда руки в бока этак вот упру да давай распекать кого-нибудь! Глядите, а это Мари. Тоже похожа, вечно брюзжит...

На этом листе изображена была сурового вида сухопарая старуха в громадном чепце. Взгляд у нее, однако, был откровенно плутовской, и кислое лицо и чопорное строгое платье откровенно с ним не вязались.

Была там и внучка этой Мари – симпатичная пухленькая Мия с застенчивым взглядом, кудрявая, как молодой барашек. И мастер Йохан, изображенный в виде ученого аиста с моноклем, и многие, многие другие...

– Его высочество людей насквозь видит, – любовно произнесла Анна, разглядывая рисунки.

Я тем временем открыла другой альбом – этот был предназначен для акварелей – и чуть не задохнулась от изумления: здесь было море... Живое, дышащее море, которое едва не выплеснулось с немного измятых страниц альбома и не захлестнуло комнату... Зеленое и голубое, серое и черное, и белое от ледяного крошева и пены, прозрачное и непроглядно-свинцовое, а над ним – такое же небо... И везде – почти везде – на этих небрежных акварелях сияла путеводная звезда: маяком ли, настоящей звездой, огнями далекого города...

– Жалко, забросил он это дело, – серьезно сказала Анна и снова отвела взгляд. – Ну да понятно, забот хватает... Так подойдет вам это, сударыня?

Я кивнула и осторожно погладила резную крышку ящика. Я видела, как разводят краски, и полагала, что повторить это не сложно. Но сперва я хотела нарисовать побольше цветов для Анны и вышивальщицы Мии – это совсем легко! А заодно приспособиться к малознакомым свинцовым карандашам и прочему...

Время летело незаметно. Анна пеняла мне на то, что я вовсе забросила занятия и не выпускаю карандаша и кисти из рук. Правда, всякий раз радовалась, как ребенок, получив очередной рисунок с замысловатыми цветами, орнаментами, пестрыми птицами на ветвях рябины или рыбками среди кораллов. Помню, я решила подшутить над своей доброй служанкой и нарисовала летучих рыб среди цветущей сирени и разноцветных птиц с длинными хвостами в зарослях морских лилий. Анна не сразу заметила подвох, а потом долго смеялась...

А я, когда она не видела, пыталась нарисовать Клауса, пока его черты не истерлись из моей памяти, пока я видела его лицо, как наяву... Выходило скверно, и я изорвала и сожгла не один лист, прежде чем у меня получился, наконец, достойный портрет – на нем Клаус улыбался, как в тот день, когда я впервые увидела его: искренней, но в то же время немного грустной улыбкой. Теперь я могла время от времени посмотреть на него, стараясь не думать о том, сколько перевернула в своем не слишком-то умелом рисунке...

– Сударыня! Сударыня! – вихрем ворвалась ко мне Анна, и я не успела спрятать портрет. Впрочем, служанка его и не заметила. – Радость-то какая! Его высочество вернулся раньше, чем думали! Его и ждать не ждали, не готово ничего, а он... Ох, побегу!..

Она испарилась, а я застыла в своем кресле.

Сколько времени прошло? Не меньше месяца с тех пор, как я встала на ноги. Буря отгремела, умытые дождем сады буйно расцвели – из своего окна я видела белоснежные, розовые, лиловые, желтые и алые кроны цветущих деревьев, а ветер доносил волшебные ароматы. Немудрено, что принц торопился вернуться в это дивное место у самого синего моря...

– ...вот это славная новость! – услышала я знакомый уже голос. Видимо, хозяин дома поднимался по лестнице. – Хотя что-то хорошее, право слово. Но, ты говоришь, она так и молчит?

– Ни словечка не промолвила, ваше высочество, – ответила чуть запыхавшаяся Анна.

– А я говорил, что это медицинский феномен, – произнес мастер Йохан (его я тоже узнала по голосу). – Ни гортань, ни голосовые связки не повреждены, но девушка нема, как рыба! Даже немые от рождения могут мычать, издавать иные звуки, а она – нет. Если предположить, что говорить она просто не желает, то в беспомощности все равно не сумела бы контролировать себя, но – Анна с товарками свидетели – даже в забытии ваша гостья не проронила ни звука!

– Мастер, я слышал это уже много раз, – нетерпеливо отозвался принц. – Анна, надеюсь, наша гостья одета?

– Конечно, господин, только позвольте, я хотя бы предупре...

Дверь распахнулась, и на пороге появилось сразу несколько человек – я едва успела сунуть рисунок в альбом и встала при их появлении.

Высокого сухопарого старика в черном я узнала сразу – он в самом деле походил на ученого аиста. Весь вид его, одежда и манеры, а в особенности пенсне в золотой оправе (которое вовсе не было ему нужно, уж я ли не видела!) выдавали в нем почтенного лекаря, состоящего при важной особе: только они держатся так надменно и уверенно.

Рослый небритый мужчина в дорожном костюме – должно быть, Ганс. Видимо,

телохранитель и доверенный слуга.

А это...

– Создатель, до чего же она изменилась! – воскликнул принц и порывисто шагнул ко мне.

Если бы я могла, я бы вскрикнула, а так мне удалось лишь отшатнуться да вскинуть руки. Должно быть, на лице моем был написан если не ужас, так потрясение точно, потому что принц остановился.

– Что случилось? – спросил он недоуменно. – Я напугал тебя, дитя мое?

«Он говорит так же... – Спазм душил меня, я тщетно пыталась вдохнуть и не дать прорваться слезам. – Что это за наваждение?»

– Анна, в чем дело? Ты же сказала, что научилась понимать ее? – обернулся он к служанке, но та только молча развела руками, с испугом глядя на меня. – Да объяснит мне кто-нибудь, что здесь происходит?!

Я объяснила бы, если бы могла говорить. Да и то, должно быть, не сумела бы промолвить и слова, потому что... Потому что передо мной стоял Клаус.

Нет, все же не он, поняла я, чуть оправившись от потрясения.

Того же роста и сложения, но, должно быть, немного легче в кости. Или просто моложе, сложно сказать... Волосы чуть темнее, длиннее и причесаны иначе, а вот глаза те же, только взгляд другой – настороженный, тревожный и отчего-то недоверчивый. А еще у Клауса не было такой вот тревожной морщинки между густых бровей. Складку у рта помню, отчего-то горестную – у этого почти такая же, – а морщинки не было, точно... И глаза Клаус так не щурил даже на солнце. Вернее, щурил не так... Мне показалось, будто этот мужчина способен смотреть на солнце, не мигая, а прищур этот – вовсе не от яркого света.

И еще – почему-то я заметила это в последнюю очередь – он не скинул тяжелого дорожного плаща. Тот полностью закрывал его от правого плеча до пят, и я удивилась – отчего так, неужто принц левша? Ну а потом взгляд мой выхватил еще одну деталь, и все стало на свои места.

Правое плечо этого мужчины было заметно выше левого, а спина... Он был горбат и, должно быть, сухорук, иначе к чему прятать половину тела? Однако двигался он так быстро и легко, что невозможно было заподозрить в нем калеку до тех пор, пока взгляд не падал на уродливый горб.

Мне, однако, удалось взять себя в руки и даже сделать реверанс.

– Это, должно быть, от неожиданности, – скрипучим голосом выговорил лекарь. – Я же предупреждал, ваше высочество, что не следует врываться к гостье, кем бы она ни была, без предупреждения. Вдобавок девушка перенесла тяжелую болезнь, а до того – какое-то сильное потрясение, а это не могло не сказаться на ее нервах...

– Да, я сглупил, – негромко ответил принц и взглянул на меня в упор глазами Клауса, но чужим взглядом, холодным и острым, как осколок льда. – Надеюсь, гостья простит мне мою бесцеремонность. Мне не терпелось удостовериться, что с нею в самом деле все в порядке. Увы! В этой глуши я растерял все манеры, что прививали мне с детства, а потому повел себя непозволительно.

Я опустила глаза и склонила голову – дескать, в своем доме хозяин волен поступать как угодно.

– Вы, ваше высочество, довольно долго пробыли при дворе, – напомнил мастер Йохан, – и у вас было время освежить манеры.

– Мне было несколько не до них, – бросил тот через плечо и, обойдя меня, будто статую, подошел к столу у окна. – Анна сказала, ты рисуешь днями напролет, так?

Он не поворачивался, но краем глаза, должно быть, уловил мой кивок.

– Узнаю эти альбомы... – проговорил принц и поднял руку. – Молчи, Анна, я ничуть не сержусь за разбойничий налет на мой кабинет. Мне это все равно ни к чему... Однако у нашей гостьи талант!

– Да, господин, я сама как увидела, так обомлела! – зачастила Анна, пропустив мимо ушей приказ помолчать и успокаивающе пожав мне руку. – Красота какая, вы сами взгляните! Не хуже ваших картин, а то и получше, уж простите...

Мастер Йохан поправил пенсне и подошел поближе.

– Да, у вашей гостьи, ваше высочество, несомненно, отменные способности рисовальщицы, – заметил он.

Я же только молила про себя: «Только не трогай второй альбом, не смотри на него, не открывай, ну пожалуйста!»

Но, конечно же, мольба моя пропала втуне...

Принц открыл этот альбом – ему неудобно было действовать одной рукой, я это видела, – перелистнул... и замер.

– Это же Клаус, – сказал он негромко. – Верно, Клаус...

Он резко повернулся ко мне – только плащ взметнулся, и мне показалось, будто под ним мелькнуло что-то светлое. Подкладка, быть может? Создатель, о какой ерунде я думаю!..

– Откуда ты знаешь Клауса? – негромко спросил принц, делая ко мне шаг. Еще один. И еще – до тех пор, пока я не вжалась спиной в стену, а он не навис надо мной. – Почему ты молчишь? Куда ты шла в такую пургу и почему совсем одна? Что связывает тебя с моим старшим братом? С моим покойным братом!..

«Покойным?» – успела я подумать перед тем, как провалиться в беспамятство.

* * *

В себя я пришла от резкого запаха нюхательной соли, беззвучно чихнула и открыла глаза.

– Сударыня, – проговорила Анна, словно бы осунувшаяся за прошедшие несколько минут (ну не час ведь я лежала без чувств!), – как вы? Всегда так веселы были, на поправку пошли, а тут вдруг сомлели! Или его высочество впрямь вас напугал? Я и забыла предупредить, сама-то привычная... А он нетерпеливый – страсть, просила же – дайте, хоть предупрежу, нет, полетел вперед всех... – Она всхлипнула и добавила: – Вы на него не сердайте, он сейчас сам не свой. Бодрится, как может, а на сердце камень, уж мне ли не знать – я его высочество вынынчила...

Я взяла ее большую натруженную руку в свою и прижала к груди, а другой рукой погладила по щеке. Анна снова всхлипнула и без спросу присела на край моей кровати.

– Он и сам перепугался, – сказала она. – Еле успел вас подхватить, чтобы не ушиблись, ну тут уж мы с Гансом подросли... Просил, как очнетесь, идти к нему в кабинет, ну, где мы с вами уж бывали. Он еще и рисунки ваши забрал, уж не знаю зачем. Вроде спросить о чем-то хочет.

Я со страхом взглянула на верную служанку, и Анна поспешила заверить:

– Не бойтесь, ради Создателя! Его высочество никогда на беззащитного руку не

поднимет! А если вы тех браконьеров вспомнили, о которых я вам рассказывала, ну так... Их над еще теплыми тушами матки с олененком поймали.

Я кивнула и крепче сжала ее руку.

– Его высочество тоже понять можно, – негромко добавила она. – Уезжал он к старшему брату на свадьбу, а вернулся с похорон...

Меня будто по голове ударили – в ушах зазвенело, в глазах помутилось...

Значит, я не ослышалась? Клаус мертв – а я жива? Как же так? Почему?

– Не бойтесь его, сударыня, и лучше идите поскорей. – Анна помогла мне сесть, а потом и встать.

Я в панике развела руками, мол, как же я стану с ним объясняться?

– Если я, простая служанка, вас понимаю, неужто его высочество не сообразит? – ворчливо сказала она. – Идите, сударыня, не укусит он вас. Он скорее сам себя поедом съест...

Что мне оставалось? Незваная гостья в чужом доме, не способная даже сказать, кто я и откуда родом, я могла лишь послушаться.

Уже у дверей я взглянула на большие часы (помню, они изрядно напугали меня среди ночи, но вскоре я привыкла к их громкому тиканью и глухому металлическому бою). Как, уже вечер? В самом деле, солнце клонится к закату, обеденный час давно миновал...

– Может, сперва изволите отобедать? – спросила Анна, заметив мой взгляд.

Я покачала головой: что зря время тянуть?

– Ну, тогда сразу поужинаете, – решила она. – Вряд ли его высочество станет долго вас томить! Идемте, сударыня...

Уже когда она постучала в дверь, а из кабинета раздалось нетерпеливое: «Войдите!» – я поняла, что у меня дрожат руки, и сцепила пальцы, чтобы это было не так заметно.

Дверь распахнулась, и мне вновь показалось, будто я вижу Клауса – так падал свет на знакомое и в то же время чужое лицо.

– Ты можешь идти, Анна, – сказал принц и, взяв меня за руку, заставил войти. – И будь любезна не подслушивать под дверью. Если понадобится твоя помощь, я позову.

– Как прикажете, господин, – кивнула она и прежде, чем уйти, бросила на меня ободряющий взгляд и осенила знаком Создателя. И снова другой рукой, что ж ты будешь делать...

Принц дождался, пока она скроется за поворотом коридора (хотя Анна всегда могла вернуться), закрыл тяжелые двери и задвинул засов. Потом в замочной скважине дважды провернулся массивный ключ, и его высочество повернулся ко мне.

– Так нам никто не помешает, – серьезно сказал он. – Проходи, прошу. Будь моей гостьей.

Я, повинувшись его жесту, пересекла уже знакомую комнату и оказалась в другой, видимо, служившей библиотекой. В усадьбе была еще другая, большая, а здесь, должно быть, хозяин хранил те книги, которые желал постоянно иметь под рукой.

Присев на краешек узкого жесткого дивана с прямой спинкой, я сложила руки на коленях и осторожно взглянула на его высочество.

Он переоделся, сменил дорожный плащ на другой, легкий, но тот все равно окутывал его до пят и, я заметила, был не просто накинут на плечи, а закреплен тонкими ремешками с застёжками на шее, на груди и на поясе, должно быть, чтобы не распахнулся случайно и не сполз.

«Что же такого ужасного кроется под этой тканью? – подумала я. – Вряд ли принц искалечен настолько, что этого нельзя показать даже приближенным, – подумала я. – Должно быть, ему самому не хочется видеть своего увечья. И, наверно, получил он его уже будучи взрослым – Анна ведь говорила, что прежде он и рисовал, и...»

Тут я припомнила подписи к рисункам, сделанные твердым красивым почерком, и те каракули, адресованные Элизе, что мне удалось разобрать на листке. Наверно, теперь ему приходилось писать левой рукой, а разве переучишься с ходу?

– Еще раз прости, если напугал тебя, – промолвил принц, придвинув поближе кресло с гнутыми ножками и усевшись напротив меня. – Признаюсь, я устал и с дороги, и... от всего. Думал порадоваться тому, что ты очнулась наконец-то, но увидел это...

Он протянул руку и взял со стола портрет Клауса.

– Это ведь в самом деле он? Мой брат?

Я не знала, как объяснить ему, что представления не имела, что у Клауса есть братья, поэтому просто развела руками, покачала головой, постаравшись взглядом дать понять, что я в растерянности.

– Это Клаус? – повторил он, и на этот раз я смогла кивнуть. – Ты знала его?

Снова кивок.

– И он никогда не упоминал при тебе о младшем брате? Ах ты, я даже не представился! Ну да, должно быть, ты слышала мое имя – Эрвин.

Анна никогда при мне не называла его по имени, но что за дело? Эрвин... Я попробовала имя на вкус: оно напоминало легкий прибор на галечном пляже, когда цветные, окатанные морем камушки перекатываются и сталкиваются с легким перестуком под тихий рокот волн – Эр-р-вин...

Создатель, как же с ним общаться? Но, может, Анна права: если даже она сумела понять, вдруг и принцу Эрвину хватит терпения и разума распознать мои неуклюжие жесты?

Я вдохнула поглубже, потом указала на портрет, на Эрвина, и еще раз, и еще, посмотрела выжидательно.

– Не понимаю, – удрученно произнес он. – Я и Клаус? Да? Мы братья, я самый младший, повторяю.

Я снова указала на портрет, потом на свои уши, и на пальцах сосчитала – один, два, три... десять!

Эрвин молчал, и морщина между его бровей делалась все глубже. Он не понимал, и я решила попробовать снова: коснулась его руки, затем портрета, показала на пальцах – двое! Двое братьев! И еще восемь. И опять – портрет, мои уши, Эрвин – и отрицающий жест. Никогда я не слышала о нем, ни разу!

– Он обо мне не упоминал? – догадался, наконец, принц. – Да? И верно, нас было одиннадцать братьев... погоди, я перечислю их, а ты кивай, если слышала эти имена! Михаэль... Андреас... Клаус...

Я кивала, как заведенная механическая игрушка, и только на его имени – Эрвин – помотала головой.

– А сестра? У нас есть еще сестра, – произнес он, нахмурившись. – О ней Клаус тоже не говорил?

Я снова покачала головой.

– Как странно, – проговорил он, потеряв лоб. – Я – понятно, не удивляюсь, что обо мне

стараются вспоминать пореже, но Элиза...

«Элиза, – вспомнила я, – значит, он писал сестре. Почему же не отправил письмо? Или это был черновик?»

– У меня голова идет кругом, – признался Эрвин, – и я не знаю, с чего начать. Анна сказала, что пыталась научить тебя писать, но толку не вышло. Ты бы назвалась, если бы сумела?

Я согласно кивнула. Увы, написать свое настоящее имя я бы не смогла, а называться так, как звал меня Клаус, не желала.

– Я вижу, ты хочешь о чем-то рассказать мне, – произнес он наконец. – И, наверно, у меня получилось бы задавать тебе вопросы, на которые можно ответить только «да» или «нет», как делает Анна, если бы я мог их придумать! Если тебя тяготит немота, то меня мучит собственная глупость!

Эрвин в сердцах ударил кулаком по колену, но тут же разжал пальцы и криво усмехнулся – мол, что за несдержанность?

Воцарилось молчание, потом он сказал:

– Что ж, попробую узнать хоть что-то... Ты немая от рождения? Нет? Я так и думал... Ты лишилась голоса из-за болезни? Тоже нет? Ладно, пока оставим это... Ты не из наших краев, Анна верно поняла?

Тут я могла кивнуть – я в самом деле появилась на свет очень далеко отсюда.

– Ты, видно, благородного происхождения, – произнес Эрвин серьезно. – Ты красива, грациозна, обучена живописи и... кстати, умеешь ли ты музицировать?

Я кивнула. Еще там, во дворце Клауса, я слышала оркестр и заинтересовалась. Старый музыкант показал мне ноты, но мне они показались всего лишь закорючками. А вот арфа... арфа звучала почти так, как у меня на родине, и, немного позанимавшись, я научилась извлекать красивые созвучия из этого инструмента. Вряд ли это можно было назвать настоящей игрой, но придворным – и особенно Клаусу – моя музыка нравилась.

– И на чем же ты играешь? На клавесине? На флейте? – напряженно спросил Эрвин, будто подслушав мои мысли.

Я изобразила пальцами струнный перебор, и он снова нахмурился.

– И танцуешь ты тоже прекрасно, ведь так?

Тут уж я могла честно ответить «да» – ни у одной девушки при дворе не было такой легкой походки, никто не умел танцевать так легко и грациозно, как это делала я.

– Вот, значит, как... – Он откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Плащ стелился по полу, но по-прежнему невозможно было разобрать, что скрывается под складками материи.

Я смиренно сидела, пока, наконец, Эрвин не открыл глаза и не взглянул на меня в упор.

– Должно быть, ты не понимаешь, что происходит, а узнать об этом тебе неоткуда, – произнес он негромко.

Солнечный луч, проникший в окно, осветил его лицо, и глаза сделались похожи на стекло, которое рождается в недрах огненных гор, – оно черно, как ночь, прозрачно, как вода, и твердо, как камень, а ножи из него режут лучше стальных. На моей родине до сей поры пользуются ими – они, бывает, оказываются надежнее металлических. У меня тоже был такой, но с ним пришлось расстаться...

Я ждала продолжения, и оно не замедлило воспоследовать.

– Родня не слишком-то жаждет общения со мной, – сказал Эрвин и выразительно шевельнул правым плечом, так что плащ зашелестел. – Да и я не люблю показываться на

глаза посторонним. Однако не принять приглашение на свадьбу Клауса я не мог. – Он помолчал. – О помолвке было объявлено заранее, приглашения разосланы вовремя, и я выехал с таким расчетом, чтобы наверняка успеть к церемонии... И я успел. Только не на свадьбу, а на похороны.

Я уже слышала об этом от Анны, но... что же произошло?!

– Клаус занемог незадолго до женитьбы. Думали сперва, он простыл на охоте... – медленно проговорил Эрвин. – Он всегда был беспечен и не придавал этому значения. Однако накануне свадьбы брат слег с жестокой горячкой... Церемонию отложили – потому я так и задержался, что ждал, когда Клаус пойдет на поправку. Он был сильным, самым сильным из нас... Если бы не он, мы, должно быть, не выдержали бы испытания! Он всегда умел подбодрить и направить, даже самые старшие – Михаэль, Андреас – так не умели...

Эрвин помолчал.

– Но Клаус сторел за несколько дней, так и не придя в сознание, – произнес он наконец. – Цинично прозвучит, но даже хорошо, что гости еще не разъехались: свадебный пир стал поминальным... Ну а невеста Клауса овдовела, не успев выйти замуж.

Я медленно выдохнула. Вот, выходит, в чем дело! Клаус умер, не взяв в жены ту девушку, и только поэтому я все еще жива...

– Но пока я жил во дворце брата, – Эрвин вдруг резко подался вперед, так что мне пришлось отшатнуться, – я слышал много любопытного. Например, о том, что почти два года Клаус держал при себе девушку редкостной красоты, неведомо откуда взявшуюся, неизвестного происхождения. Говорили, он был очень привязан к ней, всюду брал ее с собою, а она следовала за ним, как верная собака...

Я вздрогнула от такого сравнения, и, кажется, это не укрылось от острого взгляда принца.

– А потом Клаус нашел себе прекрасную невесту, юную красавицу-принцессу, – продолжал он, не отрываясь от моего лица. – Придворные сплетничали, будто эта принцесса похожа лицом на ту безымянную девушку, а еще за ней давали хорошее приданое, да и союз с ее отцом лишним не будет... Что ты так смотришь? Должно быть, хочешь спросить, зачем я рассказываю тебе об этом?

Я кивнула, и Эрвин улыбнулся краем рта.

– Невеста Клауса в самом деле очень красива, – сказал он. – У нее голубые глаза и прекрасные белокурые волосы, а еще она премило поет и великолепно танцует. Правда, говорят, та безымянная возлюбленная принца танцевала куда как лучше, а вдобавок знала какие-то неведомые волшебные мелодии, которыми и околдовала Клауса. Да, все уверены, что она была колдуньей... – Принц чуть прикрыл глаза и закончил: – И еще – все уверены, что это именно она убила моего брата, когда он решил жениться на другой. Колдуньи мстительны и жестоки, и странно, что уцелела невеста! Должно быть, ведьме не хватило времени на то, чтобы проклясть и ее: к принцессе ее не допускали, а при Клаусе она была день и ночь напролет и насладиться порчу могла когда угодно...

Я старалась только крепче сжимать губы, чтобы они не слишком заметно дрожали, но, боюсь, тщетно.

– Брат мой, хоть и был околдован, не вовсе потерял разум, – добавил Эрвин. – Он приказал отослать колдунью в загородное имение, когда принцесса сказала, что боится ее. Должно быть, ее надоумили придворные, заподозрившие опасность! Да только колдунья пропала по дороге, и с тех пор никто больше не видел ее... Говорят, ведьмы умеют

рассыпаться пылью и улетать с попутным ветром, вот, видно, так сделала и эта. А заодно отравленный ветер принес лихорадку, от которой умер Клаус...

Я не выдержала и закрыла глаза. Я слишком хорошо помнила, как это было... Противиться не было смысла; Клаус даже не вышел попрощаться со мной, а камердинер сказал, что его высочество скверно себя чувствует. Тогда я переделалась в дорожное платье, покорно села в простую карету, и незнакомый молчаливый возница принялся погонять лошадей. Только мы недалеко уехали: он остановился где-то в предместьях, сказав, что лошадь расковалась, и предложил обождать в тепле, пока он найдет кузнеца. Я согласилась и прождала довольно долго – на меня уж начали коситься, хотя я заплатила за кружку теплого молока с хлебом.

Когда на улице начало смеркаться – а зимой темнеет рано! – я заподозрила неладное, вышла на двор, но там не было ни кареты, ни моего возницы. Я не могла даже расспросить, куда подевался этот человек, объяснить, в чем дело; от меня отмахивались, стоило взять кого-нибудь за руку или потянуть за рукав, всем было недосуг.

«Блаженная, – слышалось со всех сторон. – Умом, поди, тронулась...»

Когда какие-то возчики пригласили меня к себе на подводу, я бросилась бежать прочь с постоянного двора, но этак стало только хуже. Мне оборачивались вслед, показывали пальцами – девушка в дорогой одежде выглядела нелепо посреди узкой улочки. Я металась там, пытаюсь найти хоть кого-то, кто не прогнал бы меня прочь, пока вдруг кто-то не крикнул: «Ведьма!»

Я не знала, почему они сочли меня ведьмой, хотя теперь, после рассказа Эрвина, кое-что встало на свои места. Клаус не мог хотя бы не попрощаться со мной, и болезнь не стала бы препятствием: я, бывало, сживала с ним ночами напролет, когда его мучила бессонница или головная боль... И он всегда говорил, что не бросит меня, что сделает меня фрейлиной своей супруги, спрашивал, рада ли я его счастьем – ведь я люблю его, правда? Что мне оставалось? Я улыбалась и кивала, чтобы не омрачать его радости – ведь я в самом деле любила его!

А раз приказ отдал не Клаус, значит, постарался кто-то другой. Возможно, приближенные принцессы, а может быть, и его придворные, те, кто опасался и недолюбливал меня. Принц занедужил, самое время избавиться от обузы... Думаю, ему после сказали бы, что я ушла сама, не в силах видеть его с другой. Не сразу, нет, он ведь мог сорваться на поиски и вовсе больным...

Только он никого бы не нашел: меня спасло чудо! Должно быть, возница шепнул кому-то пару слов, а то и заплатил, чтобы меня ославили ведьмой. Либо же меня просто узнали – я ведь не раз проезжала здесь вместе с Клаусом, как верный паж, у меня даже было мужское платье!

И вот крик подхватили, засвистели мальчишки, в меня полетели комья грязного снега, а я медленно отступала, понимая, что бежать нельзя – толпа нагонит и хорошо, если просто затопчет, а ведь могут и сжечь... Поразительно, я еще могла думать!

И тогда-то, словно отвечая на мои мысли, кто-то швырнул в меня горящий факел...

Спасибо снегу, я смогла сбить огонь – не одна, меня выручила немолодая женщина. Та самая, которая потом дала мне шаль – шубка-то моя обгорела, вдобавок была совсем легкой, я ведь не думала, что мне придется идти пешком!

Так я и убежала прочь, слыша, как моя спасительница – кажется, кузнечиха – честит соседей на все лады.

Старушка из домика на окраине пустила меня на ночлег, польстившись на теплые

рукавички, которые я чудом не потеряла, а еще велела мне натаскать дров... Ну а дальше я шла куда глаза глядят...

– И такой же страшный ветер принес тебя сюда, – негромко произнес Эрвин, молчавший все это время. Должно быть, он наблюдал за мной, а я владела лицом не так хорошо, как хотелось бы. – И надо ли мне говорить о том, какое имя Клаус дал пропавшей девушке? Хочешь знать? Придворные сказали, он называл ее – «мой маленький немой найденыш с говорящими глазами».

Я замерла. Казалось, будто сердце сейчас разорвется на части, и для этого вовсе не нужно, чтобы Клаус женился на другой...

– Это была ты? – спокойно спросил он. – Ты погубила моего брата?

Если бы я сумела, я закричала бы – нет, я не могла убить Клауса, никогда, ни за что, даже ради спасения собственной жизни! Но Эрвин не поверил бы мне.

Я видела по его взгляду, холодному и острому, как обсидиановый клинок, – он уже всё решил, и не сегодня завтра ведьма будет гореть на костре, и запах горелого мяса смешается с ароматом цветущей сирени...

Я заставила себя отнять руки от лица и встретиться взглядом с Эрвином.

«Нет», – покачала я головой.

Он молча смотрел мне в глаза, потом резко отвернулся.

– Если ты ведьма, то что тебе стоит околдовать и меня? Или ты не настолько сильна, раз твоим чарам сумели противиться простые люди?

«Я не ведьма, не ведьма, как же ты не видишь?!» – пыталась я сказать ему взглядом, но это был не Клаус, который, казалось, часто понимал меня без слов. Создатель, как же быть?! Еще немного, и принц позовет стражу, и...

Создатель! Ну конечно!

– Что ты делаешь? – нахмурился Эрвин, когда я вскочила. Я видела, он потянулся рукой к кинжалу, но мне было уже все равно.

Я указала на портрет Клауса, на себя, снова на портрет, потом выпростала из-за ворота цепочку со знаком Создателя на ней – это принцесса мне подарила, увидев, что у меня есть украшения, но нет такой мелочи: Клаус о ней просто не подумал...

– Ты хочешь убедить меня, что ты не ведьма, раз носишь этот знак? – сощурился Эрвин. – Не трудись. Знал я ведьму, которая с виду была набожней иных служительниц храма! Или ты имеешь в виду, что Клаус подарил тебе эту безделушку?

«Да нет же...» – ах, как мучила меня немота!

Я огляделась в поисках хоть чего-нибудь подходящего, снова поймала взгляд принца и попыталась изобразить, будто пишу.

– Тебе нужно перо? Ты же не умеешь писать, разве нет?

Да он надо мной просто издевался! Я похлопала ладонью по альбомам, которые он небрежно бросил на столе, снова сделала вид, что в руках у меня кисть, и на этот раз, кажется, получилось.

– Возьми вон там грифельную доску, – кивнул Эрвин. – Ты хочешь нарисовать что-то?

Я кивнула, пристроила доску на коленях и несколькими штрихами изобразила женскую фигурку в пышном платье, с маленькой короной в высокой причёске. Указала на нее, потом на портрет Клауса и выжидательно уставилась на принца.

– Корона... – чуть прищурился он. – Принцесса? Ты имеешь в виду невесту Клауса?

«Ну наконец-то!» – подумала я с облегчением и нарисовала рядом с принцессой еще

одну фигурку в платье попроще, с длинными волосами. Потом взяла свою подвеску, положила ее на рисунок принцессы и подвинула к тому, который обозначал меня.

Эрвин застыл на мгновение, потом взглянул на меня:

– Принцесса подарила тебе этот кулон? Верно?

«Зачем мне лгать?» – спросила я одними глазами, но тут же вернулась к рисунку: указав на принцессу, потом на себя, я расправила подол платья, а потом подрисовала своей фигурке юбки пышнее и модные рукава фонариками. Так и было, принцесса милостиво подарила мне платье со своего плеча, чтобы я надела его на свадьбу: портные не успевали обшивать придворных дам, обо мне в спешке позабыли, а не могла же я выглядеть оборванкой? Платье было совсем новым, принцесса надела его, хорошо, если один раз, и его даже перешивать не пришлось – фигуры у нас были похожи.

Теперь меня уже было не остановить: я стерла нарисованное, изобразила на этот раз мужскую фигуру, показала на портрет, на нее, а чтобы не было сомнений, вывела букву «К» – уж с какой литеры начинается имя Клауса, я помнила. Рядом оказалась принцесса в длинной фате, которую придерживала я – это я показала жестом.

– Ты должна была нести шлейф невесты на свадьбе? – уточнил Эрвин. Он придвинул кресло еще ближе и склонился над доской, будто хотел различить что-то, чего я не нарисовала. – Интересно... А мой брат? Что тебя связывало с ним?

Я отложила грифель и молча приложила обе руки к сердцу, потом отняла и протянула в горстях то невидимое, что приковало меня к Клаусу...

– Вот как! Значит, ты его любила? – произнес принц с какой-то непонятной злостью. – И понимала, что он никогда не женится на девице, которая даже имени своего назвать не может?

«Конечно, понимала», – ответила я взглядом, и Эрвин впервые отвел глаза.

– Неужто даже не ревновала его к знатной невесте? – негромко спросил он.

«Еще как, – невесело усмехнулась я в ответ. – Но я слишком любила его, чтобы пожелать ему смерти».

– У тебя в самом деле говорящие глаза, – сказал вдруг Эрвин. – Или просто колдовские... Так и тянет поверить тебе! Почему-то мне кажется, что ты скорее убила бы невесту Клауса, чем его самого, ведь так?

Я серьезно кивнула.

– Но не сделала бы этого, чтобы не причинить ему боль?

Я кивнула снова.

– Ясно... – Принц снова откинулся на спинку кресла, но тут же выпрямился. – Ну нет, только не вздумай плакать, слышишь?! Что ты киваешь? Перестань, умоляю, у меня даже платка нет...

Я отняла руки от лица – слез у меня не было. Даже этого мне не было дано...

Эрвин встал, отошел к окну – плащ волочился за ним, как крыло подбитой птицы. Я услышала звяканье стекла и плеск.

– Выпей воды, – сказал он и подал мне мокрый стакан. – Извини, опять пролил. Не с руки.

Он задумался о чем-то, а я, сделав несколько глотков, поставила стакан на край стола и принялась стирать с доски свои художества. Осталась только принцесса, и я несмело тронула Эрвина за рукав.

– Что? – очнулся он. Я указала на рисунок и постаралась придать лицу вопросительное

выражение. Должно быть, получилось, потому что принц произнес: – Хочешь узнать, что случилось с принцессой, да? Ничего особенного. Ее возьмет в жены Герхард, другой мой старший брат, он как раз недавно овдовел. На лицо мы все очень похожи, а узнать Клауса как следует бедная девушка не успела, так что разница для нее невелика. Герхард немного моложе Клауса, но это, право, не имеет значения...

«Ну хоть у нее, быть может, жизнь сложится удачно», – подумала я с превеликим облегчением. Принцесса была добра ко мне, а то, что Клаус выбрал не меня, а ее... Кто бы в здравом уме предпочел принцессе с приданным немую нищенку, как бы ни была та красива? Я не могла судить его за это.

Эрвин неотрывно смотрел на меня, и по лицу видно было, что он очень устал. И верно... – Довольно на сегодня, – произнес он и снова поднялся. – Будем считать, я поверил, что ты не ведьма. Впрочем, если ты владеешь колдовским искусством, то я и не пойму, что ты меня зачаровала. А если нет... ты никуда не денешься отсюда. Я хочу узнать, кто ты такая на самом деле, и ты расскажешь мне об этом... – Эрвин с силой потер глаза. – Нарисуешь, я хочу сказать. Я понял, как с тобой сговориться, только нужно придумать вопросы... Но – не сегодня. Иди.

Он отпер дверь, я отодвинула засов и приоткрыла уже тяжелую створку, как Эрвин вдруг окликнул:

– Постой! Скажи... тьфу ты! Дай понять: неужели почти за два года мой брат не додумался до того, как дознаться правды о тебе?

Я только улыбнулась и покачала головой. Клаус всегда играл со мною в «да» и «нет», но, кажется, и в мыслях не держал расспрашивать меня о чем-то.

– Как похоже на него, – вымолвил Эрвин. – Брат был силен духом и умен, но, право, иногда мне казалось, что воображения у него немногим больше, чем у сучковатого полена! Что сверкаешь глазами? Обиделась за него? Перестань... Я любил его сильнее, чем других братьев, но правда есть правда. Что ж... – Он коснулся моего плеча: – Раз он не стал расспрашивать тебя, это сделаю я. Иди, отдохни. Завтра продолжим. И не пытайся сбежать – у меня хорошие сторожевые псы. И они тебя не знают...

С этими словами он захлопнул дверь. Снова лязгнул засов и провернулся ключ в замке – видно, принц никого не желал видеть, а без слуг мог и обойтись.

Я же поплелась к себе, где поджидала Анна. Спасибо, она ни о чем не стала расспрашивать: увидев выражение моего лица, молча подала мне умыться, потом принесла ужин и не уходила, пока я не съела все до крошки.

– Его высочество вас чем-то обидел? – спросила она наконец, помогая мне переодеться на ночь. Я покачала головой. – Если резко говорил, то не переживайте, он со всеми этак, сударыня. Он с детства таким был, а в последние годы норов и вовсе сделался будьте-нате... Наговорит такого, что и в страшном сне не приснится, и, главное, глазами как вопьется – будто без ножа режет, поди соври ему! Киваете? Ну вот, значит, тоже заметили...

Я обернулась, тронула ее за руку, потом показала на дверь и провела ладонью по своему правому плечу сверху вниз, постаравшись выразить взглядом вопрос.

– А, вы про его руку... – Анна привычно уже отвела взгляд. – Лучше не спрашивайте, сударыня. У него самого так особенно. Я уж скажу... не выдавайте только!

Я несколько раз кивнула, заверяя, что не выдам верную служанку.

– Калека он, ну да это вы и сами, поди, догадались, – негромко сказала она, откинула одеяло, и я забралась в постель. – Родился да вырос обычным, а после... не повезло ему,

сударыня, ох как не повезло! Потому еще раз предупрежу: даже не вздумайте намекнуть или как-то дать понять, мол, вам интересно, что с ним приключилось.

Я улыбнулась и коснулась губ – мол, как я намекну-то, если говорить не могу?

– У вас взгляд больно уж выразительный, – ответила Анна. – А его высочество очень не любит, когда на него таращатся. Он потому и злее обычного, что во дворце у брата на нем, поди, дыру протерли, гляючи! Кому такое по нраву будет?

Я вынужденно согласилась, что никому. На меня тоже смотрели, конечно, но мне было чуть проще, без видимых-то увечий...

– Ну вот, отдыхайте, сударыня, – вздохнула служанка и взяла свечу. – Да не беспокойтесь. Его высочество отсыпаться будет весь день, хорошо, если к вечеру проснется. А дел накопилось порядочно, вдругорядь до вас у него не сразу руки дойдут!

Утешив меня таким незамысловатым образом, она вышла, плотно притворив за собой дверь, а я долго еще лежала без сна, прислушиваясь. У меня очень тонкий слух, как у всей моей родни, и я различала множество звуков...

Должно быть, придворных у принца было не так уж много, и большинство он брал с собой в поездку: прежде в усадьбе царила благословенная тишина. Теперь же где-то смеялись, где-то звенели бокалами, разговаривали шепотом и в полный голос, хлопали дверьми, звали слуг, стучали каблуками... Любопытно, знают ли обо мне эти люди? Слуги не могли не насплетничать, это уж как пить дать, но что именно они рассказали? Впрочем, какая разница! Эрвин – не Клаус, он не будет держать меня при себе, да и зачем ему? Скорее уж он запрет меня на маяке, с него станется. Впрочем, это не худшая участь для меня: море видно как на ладони, а если станет невтерпеж, всегда можно броситься на камни с высоты!

С этими мыслями я лежала в полудреме, улавливая еще краем сознания перезвон струн где-то в саду и предназначенную неизвестной прелестнице томную песню... Потом певец, судя по звукам, забрался к своей красавице через окно, и ненадолго воцарилась тишина.

Ну а затем негромко, неуверенно, едва лишь пробуя свои силы, в зарослях черемухи засвистел, защелкал первый соловей. Ему начал вторить другой, третий...

Так я и уснула под соловьиный хор, вдыхая аромат цветущей черемухи и сирени, и мне не снилось ровным счетом ничего...

– Говорю же вам, сударыня, его высочество хорошо, если к завтраму от забот освободится, – говорила утром Анна, расчесывая мне волосы. Я и сама могла причесаться, но ей нравилось это занятие, да и поговорить, видимо, хотелось, так что я не возражала. – И отдохнуть надо, и с самыми спешными делами разобраться... Он управляющим-то не шибко доверяет. Вернее, доверяет, но проверяет, а на это тоже время нужно!

Она оказалась права – ну так, наверно, нрав хозяйина изучила от и до, раз знала его с рождения! Принц прислал за мною только на следующий день после обеда, когда я уже вконец извелась и не знала, куда деваться. Хоть порисовать бы, так он ведь забрал альбомы! Только и оставалось, что набрасывать что-то на грифельной доске и тут же стирать, и рисовать заново... Это, кстати, навело меня на мысль, и, как вскоре выяснилось, не меня одну...

– Входи, – сказал мне Эрвин и снова запер дверь. – Как спалось нынче?

Я улыбнулась и указала на окно, развела руками и глубоко вдохнула, прикрыв глаза.

– А, – совершенно верно понял меня принц, – черемухой пахнет и сиренью, верно?

Кивнув, я изобразила ладонями трепещущие крылья, потом коснулась горла, приподняв голову.

– Да, соловьи, негодяи, теперь до самого июля спать не дадут, – невольно усмехнулся Эрвин. – А некоторые, особенно упорные, не успокаиваются и в августе... Присядь-ка.

Он прошелся взад-вперед, бездумно дотрагиваясь то до большого глобуса, то до письменного прибора на столе, потом вновь повернулся ко мне.

– Надеюсь, я не сильно напугал тебя позавчера, – сказал он негромко. – Иногда я делаюсь... чрезмерно раздражительным, и тому виной не мой собеседник, не окружающие. Извиняться не стану: согласись, у меня есть повод подозревать тебя. Просто не пугайся так сильно, я пока еще не сделал тебе ничего дурного... Не отворачивайся!

Эрвин наклонился ко мне и взял за подбородок.

– Клаус был прав, у тебя говорящие глаза, – произнес он. – А еще говорят, что глаза – зеркало души, что они не могут лгать. Вот и смотри на меня, а не в сторону, поняла?

Я кивнула, а потом показала ему принесенный с собою грифель и вопросительно взглянула в сторону стола.

– Ты тоже подумала об этом? – Эрвин выпрямился и посмотрел на меня сверху вниз. – Пожалуй, так может что-то выйти!

Он протянул мне грифельную доску и сел на этот раз не напротив, а рядом. От такой близости мне сделалось не по себе: пусть Клаус, бывало, обнимал меня, перебирал мои волосы и целовал в губы, но то был Клаус, а не его младший брат! И пусть Эрвин всего лишь сидел бок о бок со мною, не прикасаясь даже, это было неприятно. Но куда мне было деваться? Пришлось терпеть...

– Попробуем начать с самого начала, – произнес он. – Как ты свела знакомство с Клаусом?

Я посидела немного, раздумывая, с чего лучше начать, потом набросала корабль, каким запомнила его: горделивый парусник, украшенный гирляндами и штандартами. В небе повис полумесяц, а с палубы корабля протянулись в небо длинные штрихи, увенчанные звездами.

– Что это? – нахмурился Эрвин. – Корабль – понятно, а это... фейерверк, что ли? Да?

Постой-ка, да это же вылитый «Ретивый»! Точно, три мачты, высокая корма, фигура русалки на форштевне, но... Он ведь затонул больше двух лет назад! Да... верно, Клаус как раз отмечал день рождения!

Я кивнула несколько раз, стерла россыпь искр праздничного фейерверка и нарисовала поверх мачт грозовые тучи, а вдоль борта — завитки штормовых волн. Ну а потом недрогнувшей рукой провела из тучи копьё молнии, вонзившейся точно в среднюю мачту (я не знала, как она называется у моряков), и добавила языки пламени, мигом охватившего такелаж.

— Пока понятно, «Ретивый» угодил в шторм, в него ударила молния, и корабль загорелся, — проговорил Эрвин. — Но это и так известно. А что же дальше?

Я нарисовала в волнах человечка, подписав его все той же литерой «К», а корабль небрежно стерла — его ведь разметало по волнам. Принц молча смотрел.

Снова очистив доску, я провела прямую линию — берег. На берегу закудрявились деревья, вдалеке на холме встал дом служительниц Создателя, отмеченный его символом, а у линии прибоя появилась все та же фигурка, обозначенная буквой «К».

— Да, Клаус говорил, что, когда корабль пошел ко дну, он очутился в воде, — проговорил Эрвин, — а после не помнил уже ничего, только как очнулся на берегу, а над ним склонились девушки из обители. Это ты нашла его?

Я покачала головой и прикрыла ладонью здание на холме, а другой рукой указала на нарисованные волны.

— Не понимаю, — со вздохом сказал он. — Будь ты рыбачкой, я подумал бы, что ты могла подобрать Клауса в море, где его носило волнами на каком-нибудь обломке мачты, а потом чего-то испугалась и оставила его на берегу поближе к людям. Но ты явно не простолюдинка и вряд ли хоть раз в жизни держала в руках весло! А еще... — Эрвин посмотрел мне в лицо: — Мне кажется, я уже встречал тебя прежде. Не в этих краях, нет, очень далеко, у чужих берегов, но этого ведь не может быть, верно?

Пока он говорил, я стерла все с доски. Попробую рассказать ему правду, решила я. Может быть, он поверит мне?

— Постой, что ты рисуешь теперь?

Поднявшись, я взяла со стола альбом, перелистала, нашла нужный рисунок и показала его принцу.

— Кто это? — спросил он, хмурия брови.

Я указала на него, потом на портрет Клауса, затем на себя — и на одну из нарисованных девушек.

— Твоя сестра? — догадался Эрвин. — И правда, видно сходство... Я прав?

«Да, да!» — кивнула я и снова указала на рисунок, а затем показала на пальцах — один, два... пять, и я — шестая. Тут я опустила руку, как делают, показывая, какого роста маленький ребенок.

— Младшая дочь? — снова угадал принц. — Надо же, а я — младший сын. Забавное совпадение... А это, видимо, твой отец?

«Это он», — снова наклонила я голову и взглянула в мою же рукой нарисованное лицо: сумрачные глаза, густая борода, могучие плечи... Ах, отец, знаю, ты переживешь утрату, у тебя остались сыновья и пять моих старших сестер, но ты всегда особенно любил и баловал меня, самую младшую!

Я вновь вернулась к грифельной доске и нарисовала тот же корабль, теперь с фигуркой

Клауса на борту, обвела эту фигурку и, взглянув на Эрвина, прижала ладонь к сердцу.

– Ты увидела его издали и влюбилась? – подумав, спросил он, а я кивнула и снова резким росчерком нарисовала молнию, а потом и пламя на такелаже корабля, летящего напрямик на рифы. Это случилось неподалеку отсюда, мне ли не помнить... – Постой, я никак не пойму, о чем ты пытаешься мне сказать!

Эрвин задумался, а я, разделив доску на несколько частей, снова изобразила – грубо, примитивно, – волны и тонущего Клауса, берег и обитель на холме, и девушек, сбежавшихся на помощь. И еще одну, скрывающуюся в морской пене за большим камнем...

– Это я еще могу разобрать. – Принц провел пальцем по рисункам. Я так торопилась, что рисунки древних людей – я видала такие в пещерах, – выглядели бы куда лучше рядом с моими каракулями. – Выходит, правда, чушь собачья! Хочешь сказать, это ты вытащила Клауса из воды? Киваешь, значит, ты... А что потом? Испугалась и решила спрятаться, чтобы его нашли другие? А ты... тоже обучалась в этой обители, как принцесса?

Я в который раз помотала головой и сделала неопределенный жест, мол, я не оттуда, а дальше понимай как знаешь!

– Как бы там ни было, ты его не забыла... – Эрвин обхватил пальцами подбородок и помолчал немного. – Придворные Клауса рассказывали, что он подобрал тебя на берегу недалеко от летней усадьбы, он любил там бывать. Говорят, на тебе не было ни одежды, ни украшений, если не считать венка из морской травы. Люди решили, что ты хотела утопиться, но море не позволило и вернуло тебя на сушу, а одежду забрало как плату за спасенную жизнь...

«Ну и придумают же!» – подумала я, и, видно, эта мысль отразилась на моем лице даже слишком ясно, потому что Эрвин улыбнулся. У него была хорошая улыбка, только очень уж невеселая.

– Неужели ты пришла туда, спрятала одежду под камнем и стала ждать, пока тебя не найдут? Что? Это правда?

Я кивнула еще раз и подняла руку, давая понять, что вопросов пока довольно.

– Ну хорошо. – Теперь в черных глазах Эрвина горел азартный огонь, и смотреть на это было куда приятнее, чем в холодную пустоту. – Позволь, я подытожу кратко: ты увидела моего брата, влюбилась, каким-то образом спасла ему жизнь, но почему-то скрылась. А потом не выдержала и захотела быть поближе к нему?

Дождавшись моего кивка, Эрвин вздохнул.

– Что-то уж больно сложный план, – произнес он. – Да и не сходится кое-что: та обитель, подле которой нашли Клауса, в трех днях пути от его дворца. Конечно, времени у тебя было достаточно, если я верно запомнил, когда именно ты появилась, успела бы и добраться туда, и придумать, как действовать... Но неужели одного взгляда хватило для того, чтобы ты все силы бросила на это? Снова киваешь? Ясно...

Я дотронулась до его руки, привлекая внимание, и снова взялась за грифель. На том рисунке, где девушки из обители нашли Клауса, я изобразила солнце и ветку, согнутую под тяжестью яблок. Потом набросала дворец и опадающие листья, и мелкими штрихами попыталась показать осенний дождь. Потом окрестности дворца укрыли сугробы, а рисовать снежинки было совсем просто. Затем я стерла снег, его место заняли первоцветы, а тучи пропали, вновь засияло солнце...

– Погоди, кажется, я понял, – произнес принц. – День рождения Клаус праздновал на исходе лета. Значит, миновала осень, зима, настала весна, а тебя нашли... в середине

следующего лета. Ты поджидала удобного случая?

Я кивнула.

– Верю, нагишом в декабре, да еще у самой воды нежарко... – пробормотал он и зябко передернул плечами. – Мне ли не знать... Но все же, кто ты и откуда? Вроде бы я начал лучше понимать тебя, так попробуй объяснить!

Я вздохнула и стерла все нарисованное. С чего же начать?

– Хочешь пить? – спросил вдруг Эрвин. – Вон там кувшин – Анна опять принесла свое варево из сушеных яблок. На вкус оно лучше, чем можно было ожидать...

Встав, я налила в кружку душистый коричневатый напиток. Кажется, кроме яблок тут были еще груши, сливы, шиповник и еще какие-то не знакомые мне ягоды. Вторую кружку я подала принцу, но он отказался, пояснив:

– Не люблю сладкое, да только никак не могу втолковать Анне, чтобы не добавляла столько меда.

По мне так этот взвар вовсе не был чрезмерно сладким, но у всех ведь разные вкусы... Скажем, кто-то не может есть свежую, чуть посоленную икру, только что добытую из рыбьего брюха, еще теплую, а кому-то она кажется изысканным лакомством!

– Ну что же ты медлишь? Продолжай, я жду! – подбодрил Эрвин, когда я поставила кружку на стол.

Мне ничего не оставалось, кроме как сесть на прежнее место и снова взяться за грифель.

Я провела горизонтальную линию – это был горизонт, а потом нарисовала приметную скалу, похожую на голову тюленя, высунувшегося из воды. Чтобы ясно было – это не зверь, а камень, я изобразила на самой скале и вокруг нее морских птиц. Еще на этой скале часто пережидали ночь и непогоду лебеди, возвращающиеся из дальних стран на родину – их я и нарисовала тоже. Рука Эрвина – он касался локтем моего локтя – вдруг напряглась, но он произнес лишь:

– Это твой родной берег?

Так ему было понятнее, поэтому я кивнула, стерла рисунок и, как умела, нарисовала своего отца, увенчанного короной, с трезубым жезлом – символом власти в руке. Подле него были мои братья и бабушка, а во внешнем круге – мы с сестрами, следом – придворные... Конечно, это были всего лишь схематичные фигурки, но...

– Уж не хочешь ли ты сказать, будто ты – принцесса? – со смешком произнес Эрвин, когда я указала на закорючку, долженствующую обозначать меня среди сестер. – Из какого же королевства?

Вместо ответа я снова прочертила линию над нарисованными головами. Над нею теперь светило солнце и поднимал парус крохотный кораблик, резвились дельфины, а ниже, вокруг моих домочадцев, сустились рыбы, как домашние собачки у придворных дам.

– Если это шутка, то не смешная, – после паузы выговорил Эрвин, положив руку поверх моей – я как раз хотела дорисовать кое-что. – Принцесса подводного царства, ты это имеешь в виду? Ну надо же! И где же твой рыбий хвост?

Он выразительно взглянул вниз, на мои туфельки, едва видневшиеся из-под юбки, и я поспешила подобрать ноги.

– Ну продолжай же, я исполнен внимания! – подбодрил принц.

Я чувствовала, что он злится, но почему? Вот загадка! Даже если он считает мой рассказ в картинках глупой выдумкой, отчего не прикажет прекратить морочить ему голову?

И этот рисунок исчез с доски, и я снова нарисовала скалу, похожую на голову тюленя, и себя, сидящую на ней, – ветер развеивал мои распущенные волосы, вплетая в них морскую пену, волны бились о камень, а я протягивала руки к лебедям.

Они не могли кормиться в тех местах – там было слишком глубоко, чтобы добыть мелкую рыбешку или водоросли, да еще приходилось следить во все глаза, чтобы самих никто не сцапал! Желаящих там хватало... Я, жалея измученных дальним странствием птиц, приносила им из глубин придонной травы и водорослей, рачков, крабов, креветок, даже морских червей – неприхотливые лебеди охотно брали корм с моих ладоней. И, правду сказать, это были очень прожорливые птицы! Одного из них – он был меньше остальных, и я считала его самым младшим – я отличала особо и приберегала для него то, что считала лакомством. По-моему, он разделял мое мнение, во всяком случае, никогда не забывал поблагодарить меня, изобразив настоящий придворный поклон. Лебеди и так-то красивы, а уж когда кланяются, изогнув шею и распутив крылья... А еще он позволял мне дотронуться до него, а порой – если я была в воде – опускал голову мне на грудь и так замирал, пока я гладила белоснежные перья.

Так или иначе, но в путь маленькая стая отправлялась если и не сытой, то хотя бы не на пустой желудок.

Сестры мои считали это глупой блажью и пустой тратой времени, но мне вовсе не было трудно помочь уставшим путникам, и всегда казалось, будто, улетаая, они трубят не просто так, а прощаются со мною... Они и попрощались – однажды и навсегда, больше я их не видела. Наверно, маленькую стаю погубила буря – волны принесли белое перо, а больше ничего не осталось от этих птиц...

Эрвин молчал, и на лице его не читалось ровным счетом ничего. Он не отреагировал даже тогда, когда я указала ему на нарочито подчеркнутый рыбий хвост – я сидела на скале, его не было бы видно в волнах, но я специально нарисовала так, будто бы он оказался на поверхности.

– Что дальше? – отрывисто спросил он после долгой паузы и убрал прядь волос со лба. Жест получился нервным, слишком резким, но отчего?

Дальше я нарисовала берег вдалеке и дворец Клауса – совсем крохотный, почти неразличимый. Действо все равно происходило под водой...

Вот жилище ведьмы, а вот и она сама – бесформенная туша, похожая на гигантскую медузу... Или мне так померещилось от испуга? Лицо у нее, во всяком случае, оказалось самым обычным... А если ее любимцы – мурены, спруты да ядовитые скаты, так это уж дело хозяйское, кому кто нравится!

– Это еще кто? – спросил Эрвин, и понадобилось несколько минут пантомимы – я и корчила страшные рожи, и скрючивала пальцы наподобие птичьих когтей, пока он не догадался, наконец: – Неужто настоящая ведьма?

Я закивала изо всех сил, нарисовала рядом с ведьмой себя: сперва я умоляюще протягивала к ней руки, потом указывала вверх, на сияющее над водой солнце.

Стерев все это, я нарисовала рядом с ведьмой бурлящий котел, ну а потом она протянула мне сияющий фиал.

Я рисовала так быстро, как только могла, надеясь, что Эрвину хватит времени на то, чтобы осмыслить то, что я пыталась передать своими неуклюжими рисунками.

– Ведьма дала тебе... какое-то зелье, верно? – негромко спросил он, остановив мою руку – я как раз потянулась стереть очередную зарисовку. – И, должно быть, потребовала

плату... Я догадываюсь, какую именно, но продолжай, прошу!

Я кивнула, оглянулась, взяла со стола пустую кружку, указала на нее, на ведьму, потом на себя. Затем приложила руку к горлу, сжала в горсть и протянула все той же нарисованной колдунье.

Эрвин хотел было что-то сказать, но я остановила его жестом.

Поднеся к губам кружку, я сделала вид, будто пью волшебное зелье, а потом стерла на рисунке рыбий хвост у той фигурки, что изображала меня, и заменила его на две стройные ножки.

Потом, помедлив, я нарисовала отдельно эти самые ножки – только ступни – и пронзающие их острые ножи. Мне почему-то всегда казалось, что это не обсидиановые клинки – те режут так легко, что в первые мгновения даже не замечаешь боли, настолько тонки лезвия, – а железные, вдобавок скверно заточенные.

Эрвин молчал.

– Поправь меня, если я ошибусь, – сказал он наконец. – Ты пытаешься уверить меня, будто жила на дне морском, а отец твой – король подводного мира?

Я помотала головой и раскинула руки как могла широко, а потом указала на портрет отца и свела ладони, давая понять, что ему подвластен далеко не весь океан. У людей ведь тоже так – никто не может править сразу всею сушей! Какому смертному это под силу? Да и нам, пусть мы живем много дольше людей, не дано завладеть всеми водами, солеными или пресными...

– И ведьма сделала тебя человеком в обмен на твой голос... Говорят, у подводного народа дивные песни! Жаль только, те, кому доводилось слышать их, уже не вернутся на берег...

Я только улыбнулась в ответ. Боюсь, услышь Эрвин, как поем мы с сестрами, он не сумел бы отличить наших голосов от переключки китов и дельфинов. Звук в воде разносится далеко, это верно, но переливчатые трели и сложный перещелк – это вовсе не волшебные песни... Говорить мы тоже можем, конечно, в отличие от тех же дельфинов, но наша музыка вряд ли нашла бы понимание у людей. Хотя... те песни, знакомые мне с детства, которые я пыталась наиграть на арфе, одновременно похожей и не похожей на наши инструменты, отторжения у слушателей не вызывали, хотя и удивляли, конечно.

– Ты заплатила не только голосом... – Эрвин притронулся кончиком указательного пальца к последнему рисунку. – Что это означает? Ты...

«Ни одна танцовщица не сравнится с тобой, – вспомнила я слова ведьмы, – но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и ноги твои будут кровоточить!»

Она преувеличила, конечно, но не солгала о боли, которую мне пришлось испытать. Я привыкла к ней со временем, но поначалу... Поначалу мне хотелось броситься с самого высокого обрыва, чтобы прекратить эту пытку!

В черных глазах принца застыл вопрос, и я продолжила рисовать.

Мы с Клаусом рядом...

Я перечеркнула доску наискось. Вот Клаус и принцесса, обведенные кругом, а я стою поодаль, вне волшебной черты... А это – линия горизонта, солнце встает над морем, а я...

Я медленно стерла свою фигурку – скорее даже размазала пальцами так, чтобы это выглядело, будто прах мой развеялся по ветру.

Эрвин будто бы застыл.

– Он женится на другой – и ты умрешь... – проговорил он наконец. – Это сказала тебе

ведьма?

Я кивнула.

– И ты решилась на это? Ты ведь не могла не понимать, что Клаус не сделает своей женой неизвестную девицу! Впрочем, об этом я уже спрашивал...

«Я любила его, – мысленно произнесла я. – Я полюбила его с той минуты, как увидела на «Ретивом», я спасла ему жизнь и поцеловала его там, на берегу. Я долго наблюдала за ним из-под воды, подплывая совсем близко...»

Клаус, наверно, думал, что стоит в одиночестве на балконе там, в своей летней резиденции, а я смотрела на него и была рядом – если бы он наклонился и посмотрел на воду канала, то сумел бы различить меня. Но он никогда не смотрел вниз, только вперед и вверх – на звезды...

– Что за глупость! – в сердцах произнес Эрвин. Теперь он стоял у окна, отвернувшись и обхватив себя левой рукой, так, будто правая причиняла ему нешуточную боль. Как знать, может, так и было? – Глупость... Ради призрачной мечты пожертвовать жизнью? Воистину, на такое способна только влюбленная женщина!

Он повернулся ко мне и спросил:

– А если бы Клаус все же решился жениться на тебе, что тогда?

Увы, этого я не знала. Ведьма сказала лишь, что мне не вернуться обратно. Но и человеком я могла стать, только если бы Клаус полюбил меня по-настоящему, отдался мне всем сердцем и сделал меня своей женой, а это, как я поняла вскоре, было невозможно... Вдобавок жениться – не значит полюбить!

Винить ведьму я не могла – она в точности исполнила все, что обещала сделать. Прочее зависело от меня, да только я не справилась... Будь у меня больше времени, быть может, Клаус и задумался бы о том, чтобы сделать меня своей женой, он ведь был привязан ко мне! Но увы, вмешался случай: Клаус давно подыскивал невесту, и нужно же было ему выбрать для знакомства именно ту девушку, что обучалась грамоте и прочим наукам в обители служительниц Создателя! Той самой обители, подле которой я оставила его, едва живого после кораблекрушения... Да знай я, что будет именно так, я унесла бы Клауса далеко-далеко, на необитаемый остров, говорила бы с ним, заботилась о нем, и, быть может, он сумел бы полюбить меня такой, какой я была на самом деле... Тогда у меня был бы шанс стать человеком не благодаря волшебному зелью, а по-настоящему, но увы...

– Нарисуй еще раз ту скалу, – попросил вдруг Эрвин. – Ту, что похожа на голову тюленя.

Я взглянула на него с удивлением, но сделала, как он просил.

Принц взял у меня грифель – видно было, что ему неудобно рисовать левой рукой, – и вывел рядом со скалою силуэт лебедя, а на самой скале – человеческую фигуру. Он взглянул на меня, но я развела руками, не понимая, что он пытается сказать мне этим рисунком.

– Теперь я вспомнил, где видел тебя прежде, – произнес Эрвин, отложив грифельную доску. – Я уже говорил, мне казалось, что мы встречались где-то очень далеко... Теперь я вспомнил: сперва эту скалу, потом тебя. Мы всегда пережидали там ночь, чтобы хоть немного отдохнуть и с рассветом снова отправиться в путь. Нужно было успеть до заката, чтобы хоть как-то перекусить, да и добираться до этой скалы вплавь – приятного мало. Однажды мы не рассчитали, был сильный встречный ветер... Как выплыли, не помню, я едва не утонул! – Он передернул плечами, видно, вспомнив холодное море и безжалостные волны. – Так вот, ты всегда исчезала до захода солнца. Тебя ругали, если ты слишком долго оставалась наверху, ведь так? Или ты поднималась на поверхность без спросу?

«О чем он говорит?» – невольно подумала я, и, видимо, на лице моем слишком явно отразилось недоумение, потому что Эрвин вдруг улыбнулся.

– У тебя добрые руки, – сказал он. – И сердце тоже доброе. Должно быть, только благодаря тебе мне раз за разом удавалось добраться до берега. Я, повторюсь, самый младший из братьев. И самый слабосильный. Элиза – и та сильнее.

Я только вздохнула: Эрвин вовсе не выглядел слабым, и я слыхала, что калеки часто обладают чудовищной мощью, в особенности почему-то горбуны. Может быть, природа, жестоко пошутив над ними, все же оставляет шанс постоять за себя? Кто знает...

Принц встал и отошел к окну.

– Что же... Похоже, я узнал твою историю, и добавить тебе нечего, – произнес он, глядя сквозь оконное стекло в прозрачные весенние сумерки. – Ну разве что... Ты убежала из дворца сама или тебя выгнали?

Я показала – второе – и развела руками, дескать, я не знаю наверняка, чей это был приказ.

– Вряд ли Клаус распорядился избавиться от тебя, – негромко сказал Эрвин, – это вовсе не похоже на него. Значит, кто-то из челяди... Ну да что теперь говорить, исправить уже ничего нельзя!

Он вдруг резко обернулся и, сделав шаг, склонился ко мне, оперевшись рукой о спинку дивана, и приказал:

– Посмотри мне в глаза. Смелее! Вот так. А теперь... теперь я хочу узнать правду. Отвечай, стала ли ты женой Клауса? Не перед людьми, не перед Создателем... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я несмело кивнула.

– Так да или нет?

Я покачала головой. Нет, какое там... Клаус любил обнимать меня, гладить мои волосы, но мне всегда казалось, будто он видит во мне ребенка или младшую сестру, а не взрослую девушку. Он вообще был целомудрен: у людей его положения, я знала, часто бывают фаворитки, да не по одной, а по нескольку сразу, случайных увлечений и вовсе не счесть! Но только не у Клауса...

– Как странно... – проговорил Эрвин. – Я помню, брат всегда хвастался своими похождениями, мол, пока мы, младшие, дорастем до таких приключений, ему они уже наскучат... Не мог же он настолько перемениться за такой короткий срок!

Я поискала грифель, взяла доску и набросала символ Создателя – молнию, пронзающую равносторонний треугольник, – и коленопреклоненную фигурку подле него, обозначенную буквой «К».

– Что-что? – изумился Эрвин, наклоняясь еще ниже. У него были довольно длинные волосы (Клаус стриг их совсем коротко), и сейчас темная прядь щекотала мой висок. – Клаус отродясь не был богобоязнен! Что ты мотаешь головой? Не припомню, чтобы он хоть когда-нибудь обращался к Создателю... Нет, вру, порой обращался, но с такими словами, что тому, пожалуй, икалось!

«Да нет же, нет! – старалась я объяснить. – Клаус был набожен, это все отмечали! Он не менял женщин, как перчатки, не увлекался охотой и верховой ездой, не слишком любил балы, он предпочитал им прогулки на лодке по реке или вдоль побережья!»

Эрвин внимательно смотрел за тем, как я быстро рисую и тут же перечеркиваю изображения: Клаус с дамами, Клаус на охоте, Клаус верхом, на балу...

– А вот в это я не верю, – произнес он очень серьезно. – Не верю. Я слышал от его челяди, что Клаус вдруг сделался религиозен и это удивило меня донельзя! Если бы ты слышала, как он поносил Создателя, когда нам пришлось коротать ночь на той скале в страшную бурю... Чудо, что гром не разразил всех нас разом!

Я посмотрела вверх, на принца. Станным было выражение его лица: Эрвин будто бы старался не показать истинных своих чувств, но черты его все равно искажала горькая гримаса.

– Клаус, мне кажется, вовсе не верил в Создателя... – негромко произнес он.

«Верил, верил! – Я невольно схватила принца за руку. – Он часто проводил ночи в молельне, а я ждала у порога. Клаус возвращался совершенно измученным, и при дворе шептались, будто он умерщвляет плоть, пытаясь искупить какой-то грех...»

Но как объяснить это? Рисунками? Не выйдет... Пришлось снова устроить спектакль одной актрисы: я развязала пояс – все равно он нужен был только для красоты – и скрутила атласную ленту в жгут. Потом, опустившись на колени, я сложила руки, будто взывала к Создателю (самой мне никогда не приходилось этого делать, но я видела, как молятся люди), а потом ударила себя по плечам атласным жгутом – раз, другой... Ну а затем поднялась, отстранив протянутую руку Эрвина, вернулась на свое место и всем своим видом постаралась выразить, как мне больно сидеть, прислоняться к спинке дивана, и уж тем более лежать!

– Ты что, хочешь сказать, будто Клаус занимался самобичеванием? – неверяще выговорил Эрвин и присел рядом со мной. Я кивнула несколько раз. – Ты видела это сама? Нет? Значит, были только слухи? Ничего не понимаю... И что мне стоило выехать парой суток раньше? Так нет же, рассчитал все в точности!

Я снова тронула его за рукав и, когда он перевел взгляд на грифельную доску, где я нарисовала Клауса по пояс и попыталась показать власяницу под его камзолом, подсмотрела как-то раз, как Клаус переодевается к ужину, и была уверена, что он вовсе не снимал этот грубый балахон, жесткий и колючий даже на вид...

Я надеялась, Эрвин поймет, что я пыталась изобразить частой штриховкой.

И он понял... Лицо его закаменело, и он сказал непонятно:

– Значит, он тоже? И остальные... И никогда ни словом, ни звуком...

«О чем ты?!» – спросила я взглядом, сама не замечая, что все сильнее сжимаю его руку. Эрвин вздрогнул и очнулся, а потом высвободил свою ладонь. На коже у него остались красные пятна: я намного сильнее, чем кажусь. Увы, это не море, не моя стихия, где я хозяйка... Тут я не смогу ужом выскользнуть из чужих рук, не сумею ответить на удар таким же ударом, которым могла когда-то оглушить свирепую акулу, да и спастись бегством не выйдет – не настолько я быстра на суше, как была когда-то в море! Однако я могу сломать кости взрослому мужчине, если он окажется достаточно неосторожен, чтобы угодить мне в руки... Жаль, против толпы я долго не выстою!

– Смотри, – негромко произнес Эрвин. Все это время он пытался распустить шнуровку на вороте рубашки, и вот, наконец, узелок поддался, и принц оттянул тонкую ткань.

Я невольно прижала пальцы к губам, хотя вскрикнуть все равно не могла, а потом потянулась, чтобы...

– Не трогай. – Он отвел мою руку в сторону. – Будет больно.

Я и так видела воспаленную кожу там, где ворот этой странной рубахи впивался в шею принца, но все-таки коснулась кончиками пальцев грубого плетения, чтобы тут же отдернуть

их – я будто в огонь их сунула!

– Я ведь предупреждал, – негромко произнес Эрвин.

«Но что это? Зачем? Для чего?» – Вопросов у меня было столько, что если бы я могла говорить, то засыпала бы ими принца. Увы, я могла только смотреть на него.

– Я думал, только мне выпала такая судьба, – проговорил он, поймав мой взгляд. – Самый младший, самый слабый, неудачник... А похоже, Клаус тоже страдал от этого. И не выдержал...

«Да от чего же?!» – подалась я вперед и снова протянула руку, мол, что это, зачем ты носишь вещь, которая мучит тебя денно и ночью? Почему ее носил Клаус? Создатель и причуды его последователей тут ни при чем, это ясно!

Эрвин коснулся ворота – казалось, будто он хочет оттянуть его, но тот не поддался, он будто сросся с телом, пустив корни в живую плоть...

«Что это?» – одними губами спросила я.

– Колдовство, – эхом откликнулся Эрвин. – Я не могу снять эту рубашку, хотя и мечтаю об этом. Только вот снимать ее придется с кожей вместе... Но я полагал, это случилось только со мной, потому что мне опять не повезло, Элиза не успела закончить работу, и я хоть и стал человеком... но не вполне. Оно не сработало, как должно, понимаешь?

«Какое колдовство, о чем ты?» – Я не выдержала и обеими руками схватилась за его руку, но Эрвин снова высвободился.

– Только не пугайся, – попросил он, встав во весь свой немалый рост. – И помоги, мне самому не с руки.

Дрожащими пальцами я расстегнула пряжки на ремнях, удерживавших его плащ, и тот соскользнул на пол...

Я смотрела, не дыша, как с шелестом разворачивается белоснежное крыло, огромное, словно у посланников Создателя на старинных гравюрах, как Эрвин с наслаждением потягивается, расправляя его...

– Немеет, – виновато сказал он. – Все время держать сложенным тяжело, а показывать не хочется даже тем, кто знает, что со мной не так. Чужим так и тем более. Вот и живу затворником, носа не кажу из своих владений... Лучше прослыть домоседом, чем чудовищем.

Я несмело протянула руку и коснулась теплых перьев, провела по ним пальцами – он, выходит, запомнил прикосновение, но... как такое может быть?

– Я терпеть не могу морских червей, – совершенно серьезно произнес Эрвин. – Но тебе неоткуда было об этом знать, а я не мог говорить. Как причудливо меняются роли, не находишь?

Мне нечего было ответить, я лишь еще раз провела ладонью по белым перьям. Неужели это он? Тот самый, что доверчиво опускал голову мне на плечо, позволяя гладить натруженные крылья? Но что с ним случилось, с ним и с его братьями? Ведь прочие лебеди – это были они, теперь я поняла!

– Ты рассказала мне свою историю, как умела, – негромко сказал Эрвин и чуть пошевелил крылом – мне будто теплый плащ на плечи накинули... Вот, значит, во что закутывали меня тем зимним вечером! – Теперь моя очередь поведать свою.

Я смотрела на него снизу вверх, и мне почему-то больше не было страшно.

– Не знаю, с чего начать, – помолчав, сказал принц.

Я коснулась его ладони, а потом изобразила пальцами шагающего человечка.

– Начать с начала? – невольно улыбнулся он. – Пожалуй, так будет лучше всего... Итак, нас было двенадцать: мы, братья-погодки, и Элиза.

Я только вздохнула: хоть мы живем намного дольше людей, дюжина детей и у русалок – повод для гордости! Впрочем, у отца нас было десятеро, и, знаю, хоть он и говорил, что не желает больше брать жену после гибели нашей матери, но все равно присматривался к молодым русалкам. Как знать, может, бабушка все-таки уговорит его жениться во второй раз? По ее мнению, это не дело: девушкам нужна женская рука, а сама она уже старовата, даже на поверхность не поднималась больше полувека! И ничего, что мачеха вполне может оказаться ровесницей моим старшим сестрам, крепче подружатся, уверяла она...

– Хочешь сказать, что наша матушка была героической женщиной? – спросил Эрвин. – Пожалуй, что так: из шестерых сыновей не умер ни один, но вот сама она шестых родов не пережила, а Герхард выжил чудом.

Я нахмурилась, не понимая: он же говорил, что братьев было одиннадцать, да еще сестра!

– Отец очень скоро женился вновь, – пояснил принц. – На младшей сестре первой жены: та была моложе покойной королевы на десять с лишним лет. И, увы, поделила ее участь, и на этот раз я стал причиной. Правда, она успела увидеть меня, а через неделю скончалась от родильной горячки... Видно, поэтому отец всегда недолюбливал Герхарда и меня: из-за нас он лишился обеих жен. Знаешь, – добавил Эрвин, – я как-то услышал, как он говорил советнику, мол, сыновей у него и так больше, чем того, что он сумеет оставить им в наследство, и он скорее предпочел бы лишиться очередного отпрыска, чем любимой жены.

«Но вы же не виноваты», – подумала я, коснувшись его руки.

– Нашей с Герхардом вины тут нет, – согласился он, – но сердцу не прикажешь. И, правду сказать, больше всех нас отец любил Элизу, самую младшую.

Я опять ничего не поняла: Эрвин же говорил, что самый младший из принцев – он, так что же, король женился в третий раз?

Заметив мой взгляд, принц сказал:

– Элиза не сестра нам, хоть мы и привыкли так ее называть. Ее подбросили во дворец однажды ночью. Она была в батистовых пеленках, в шелковом одеяльце, а еще в корзине, в которой ее нашли, оказалось письмо. Какая-то знатная дама писала о том, что родила девочку не от мужа, и выдать ее за его дочь никак не выйдет, он почти год был в отъезде... Она уповала на королевское милосердие и надеялась, что государь не оставит ребенка в беде. Так и вышло. – Эрвин улыбнулся. – Он всегда хотел дочь, но, как нарочно, рождались одни сыновья. Правда, полагаю, окажись у него одни дочери, он говорил бы, что этак можно разориться на приданом... И вот появилась Элиза. Советники говорили, что лучше бы отдать ее в обитель, пускай служит Создателю, как подрастет, но отец и слышать ничего не пожелал! Так она и выросла с нами вместе, и, кажется, со временем все и забыли о том, что она никакая не принцесса, а подкидыш.

«Вот так история!» – невольно подумала я. Мой отец тоже привечал детей погибших родственников, а таких было немало, потому что море – это море, и ему все равно, король

ты, королевский родич или простая русалка. Да и акула тоже не спросит, хочешь ли ты попасть к ней на зубок! Взять хоть мою бабушку: из всех ее детей до зрелых лет дожили все три дочери, но только двое сыновей, прочих забрало море...

Однако мой отец, хоть и заботился о племянниках и вовсе дальней родне, принцами и принцессами их никогда не называл.

– Ну а потом отец решил жениться снова, – продолжил Эрвин.

Кажется, он не замечал, что кончиками пальцев осторожно гладит мои волосы: пусть и укороченные, они все равно спускались ниже пояса, только и гляди, как бы не сесть на них! Клаус – тот любил запустить руку в мои локоны, и это, скажу честно, не всегда было приятно.

– У мачехи детей не было, – сказал он, перехватил мой взгляд и отдернул руку. – Извини, я машинально...

Я покачала головой и улыбнулась, мол, ничего страшного.

– Она была очень красива, – проговорил Эрвин. – Нас она сразу невзлюбила, да и мы ее, признаюсь, тоже. По возрасту она годилась в жены Михаэлю – это самый старший из нас, – но он был всего лишь наследным принцем, а не вдовым королем. И, полагаю, Лаура рассчитывала родить отцу еще одного наследника, чтобы именно ее сын унаследовал королевство. Вернее, она сама: отец был уже немолод, хоть и крепок. Думаю, она сумела бы свести его в могилу поскорее! Ну а пока вырастет маленький король, править станет вдовствующая королева, ясно?

«А как же вы?» – нахмурилась я.

– А нас не стало, – ответил он на мой невысказанный вопрос, и я вопросительно приподняла брови. – Наша мачеха – ведьма, разве я сразу не сказал?

Я покачала головой и нахмурилась.

– Впрочем, на то, что делала она поначалу, способна почти любая женщина, – добавил Эрвин и осторожно потянулся.

Лицо его исказила болезненная гримаса, он выдохнул сквозь стиснутые зубы, а я невольно подумала: каково это – днями и ночами напролет терпеть пускай не смертельную, но мучительную боль от ожогов, которую ничем нельзя унять?

«Ну же, расскажи!» – попросила я взглядом. Мне казалось, будто Эрвин понимает меня все лучше и лучше. Если бы можно было научить его языку жестов, которым мы пользуемся под водой! Не всегда стоит переговариваться – этак еще спугнешь добычу или привлечешь внимание тех же хищников, слышат-то они превосходно! Только и остается показывать жестами, а то и всем телом, как это делают рыбы... Жаль, Эрвин вряд ли поймет, что я пытаюсь изобразить!

– Много было всего, – продолжил он, помолчав. – Сперва она настроила отца против Михаэля и Андреаса с Клаусом – это самые старшие. Лаура убедила отца, будто Михаэль намерен до срока занять его место. Шутка ли: брату уже двадцать шесть! Как нарочно, Михаэль вздумал посвататься к девушке из соседнего королевства. Не принцессе, нет, но она была знатного рода. Женится, наследников дождется, говорила Лаура, а там... – Эрвин тяжело вздохнул. – Клаус с Андреасом помогут, а потом все передерутся за власть, раздробят королевство на осколки... О других она тоже много чего говорила. Вернер и Кристиан – они близнецы – играют на деньги и слишком много пьют. Мартин туда же, вдобавок они ни единой юбки не пропустят, как только еще дурную болезнь не подцепили! Младшие берут с них пример, не желают учиться, им лишь бы скакать по лесам, охотиться да красоваться на

балах! А сколько уходит средств на эти забавы...

Он отвернулся и замолчал. Я успокаивающе погладила его по руке.

– Нас она тоже хотела рассорить, – произнес Эрвин негромко. – Но не вышло. Михаэль в жизни бы не поверил, что, к примеру, Герхард и Дитрих злоумышляют против старших братьев. Вернее, поверил бы, будь у него доказательства. Он предпочитал разобраться во всем от и до, никогда не делал выводов раньше времени и полагал, что, пока вина человека не доказана, его нельзя считать преступником. И это обвинитель должен предоставить доказательства преступления, а не подозреваемый – оправдываться.

Я удивилась: у нас это было в порядке вещей. Обвиняешь соседа в том, что тот увел твое рыбе стадо – приведи свидетелей, которые видели это своими глазами, докажи, как угодно! А если у тебя только слово против его слова – милости просим на арену, и пусть рассудит оружие!..

Но тут я припомнила, как меня ни за что ни про что ославили ведьмой, околдовавшей Клауса, как распускали премерзкие слухи, и тяжело вздохнула. Однако почему Эрвин говорит о старшем брате в прошедшем времени?

– Одним словом, отец все хуже относился к нам, – продолжил принц. – Он перестал посылать старших разбирать тяжбы землевладельцев, хотя прежде только рад был, что они взяли на себя эту повинность и сами учатся управлять тем, что им когда-нибудь достанется. Он не позволил Михаэлю жениться по его выбору, а Манфреда не отпустил в путешествие за море, хотя обещал сделать ему такой подарок на шестнадцатилетие. Я так вовсе старался не показываться ему на глаза лишний раз... – Он помолчал и добавил: – Отец не хотел нас больше видеть. И его желание исполнилось: он больше не увидел нас до самой своей смерти.

«Что же произошло?» – спросила я взглядом.

– Лаура превратила нас в лебедей, – просто сказал Эрвин. – Я ведь говорю, она была настоящей колдуньей, хотя никто не заподозрил бы ее в ведьмовстве. Это про нее я сказал, что она была набожней любой служительницы Создателя! При ней наше веселое когда-то королевство сделалось унылее... унылее вареной капусты или каши с комками!

Я невольно улыбнулась, а Эрвин продолжал:

– Слишком много смеяться – грешно, радоваться жизни и не благодарить поминутно Создателя – грешно, балы, охота, любое веселье, любые праздники – не угодны Создателю, даже если празднество в его честь... Вместо веселого старика, который обучал меня и всех моих братьев заветам Создателя и рассказывал забавные истории из его жития, при дворе обосновался унылый тип, похожий на вяленую рыбу, способный только долбить одно и то же и приходивший в ужас, если кто-то осмеливался задать вопрос о спорном толковании этих самых заветов. Женщинам пришлось еще хуже – для них Лаура отыскала какую-то старую жабу, которая ухитрялась чуть не с первого взгляда отличить ложь. – Он перевел дыхание и добавил: – Прежде при дворе были достаточно вольные нравы. Думаю, отец оставил Элизу у себя еще и потому, что она вполне могла оказаться его собственной дочерью!

Я только вздохнула. Что ж, и такое случается!

– И вот, когда Лаура решила, что достаточно настроила мужа против нас, она и сделала это... – Эрвин помолчал. – Я даже не запомнил толком, как это случилось. Вроде бы она сказала что-то наподобие: «Летите на все четыре стороны и заботьтесь о себе сами! Летите большими птицами без голоса!» Только что-то пошло не так, голоса мы не лишились и долго еще кружили возле дворца с криками: «Лаура! Лаура!» Правда, когда наши же слуги взялись за охотничьи луки, Михаэль увел нас к морю...

Пауза затянулась, но наконец Эрвин выговорил:

– Днем мы были птицами, а на закате становились людьми. Потом... Потом отец умер. Помню, на его похоронах мы пролетели клином над толпой... Хоть так проводили его в последний путь... Люди, кажется, сочли это знамением. А мы улетели за море, за два дневных перехода. Михаэль едва не погиб, пока разведаль этот путь... Только раз в году, когда дни самые длинные, мы могли перелететь море, а ночевали на той самой скале. И, – он улыбнулся, – без твоей заботы нам пришлось бы худо.

Я улыбнулась в ответ – что там той заботы!

– Сюда мы могли вернуться только раз в году. Я бы предпочел этого не делать, но Михаэль настаивал: он не хотел, чтобы мы забыли родные края. А соблазн, что и говорить, был велик, – признался Эрвин. – И, конечно, мы пытались узнать, как разрушить чары, но... Поняли только, что, даже если убить ведьму, это не поможет, а, чего доброго, лишит нас последнего шанса. А она... Не знаю, как она объяснила наше исчезновение, но только после смерти отца сама села на трон.

«А как же Элиза?» – удивилась я.

– Элизу она еще при жизни отца отдала на воспитание в небогатую семью с суровыми нравами, чтобы та научилась смирению и выросла неизбалованной, – негромко сказал принц, правильно истолковав мой немой вопрос. – Мы навещали ее днем, но она, конечно, не могла даже подумать, что это мы, ее братья. Ну а с закатом двери и окна в том доме запирали, и нам оставалось разве что вломиться силой!

«Почему же вы этого не сделали?» – удивилась я.

– Как бы мы понесли ее через море? Маленькую девочку, у которой даже хорошей теплой одежды не было... Она могла простыть насмерть, и это было бы на нашей совести, – проговорил Эрвин. – Мы долго спорили о том, что именно для нее будет лучше, и к ее пятнадцатилетию уже решили, что можем выкрасть ее, но... опоздали.

«Как?!»

– Элиза исчезла как раз после своего дня рождения, и нам удалось узнать, что ее забрали во дворец. Оттуда она и пропала, а вскоре умер отец... Ты скажешь, мы могли бы пройти во дворец после заката? – правильно понял мои мысли Эрвин. – Мы так и хотели сделать, потому что оставаться здесь долго не могли, иначе не сумели бы вернуться за море... Но случай распорядился за нас: мачеха выставила и Элизу, и та забрела на побережье, где мы как раз готовились к отлету. В этот раз мы забрали ее с собой, и не спрашивай, чего нам это стоило! Даже Михаэль признал, что куда легче было бы принести с собой теплые вещи и унести за море десятилетнюю девочку, а не взрослую девушку!

Он помолчал и добавил:

– Право слово, мы сгупили. Проще было купить у какого-нибудь рыбака лодку. Хоть и не принято торговать после заката, но за большие деньги кто-нибудь да уступил бы. Или можно было нанять кого-то, чтобы купил лодку днем... Словом, мы могли бы тащить за собой суденышко и сами отдыхать на нем... хотя Андреас возражал, что на двенадцать человек нужна изрядная шлюпка, а то и баркас, а буксировать их не так-то легко. Может, был он прав, может, нет, но уж что сделано, то сделано.

Я кивнула – я видала и шлюпки, и баркасы: без руля и ветрил они не больно-то поворотливы. Там нужен хотя бы рулевой, а еще гребцы, чтобы держать судно по курсу и не дать волнам развернуть и захлестнуть его. Сомневаюсь, что даже одиннадцать сильных птиц справились бы с этим! С другой стороны, если они могли нести сестру... хотя она все же

веса меньше, чем баркас, которому вдобавок противились бы ветер и волны! Но вот нанять кого-нибудь, чтобы отвез Элизу, куда следует, они могли, раз уж были деньги, а я поняла, что братья не бедствовали. Интересно, как им это удавалось?

– Мы переночевали на той скале, – произнес Эрвин, словно не замечая, что я глажу его пальцы. Да я и сама не сразу заметила. – Был шторм, должно быть, поэтому ты не появилась...

Я кивнула и виновато улыбнулась. Мне и так-то нельзя было подниматься на поверхность, я была еще слишком молода! Однако все нарушали правила, даже бабушка – она как-то обмолвилась об этом. И сестры мои поступали точно так же, и пока никто не попался и не пострадал, на это закрывали глаза. У людей, я знала, дети поступают так же... Наверно, нехорошо обманывать родителей, пообещав слушаться и нарушая запрет, но что делать, если большой мир манит прямо сейчас и нет никаких сил дожидаться своего совершеннолетия?..

Словом, Эрвин был прав: я не рискнула выбираться из дворца в такую бурю – я не столько боялась отцовского гнева и бабушкиных нотаций, сколько опасалась, что штормом меня унесет далеко-далеко! Конечно, я сумела бы отыскать дорогу назад, но ведь все это время родные сходили бы с ума от страха за меня... И я, как ни хотелось мне покачаться на бурных волнах, осталась дома. Это ведь не последний шторм на моем веку, подумала я, успею поразвлечься, когда подрасту. Может быть, и не одна, в компании так резвиться всяко веселее!

Именно после той бури я не видала больше лебедей...

– Мы больше не возвращались на родину, – подтвердил мои мысли Эрвин. – Элиза теперь была с нами... правда, недолго. Будь добра, подай мне воды, в горле пересохло...

Я налила ему воды из графина и смотрела, как он пьет большими глотками.

– Хорошо-то как! – сказал Эрвин наконец. – Что ж... рассказать осталось не так уж много. Нужно заканчивать – уже ночь на дворе, слышишь, как соловьи распелись?

«Не только они», – улыбнулась я: в саду кто-то терзал лютню, но, к счастью, соловьиные трели заглушали эти ужасные звуки.

– Выйдем в сад? – спросил вдруг он. – Там прохладно сейчас...

Я кивнула: мне хотелось ступить босиком на мокрую от вечерней росы траву – так меньше чувствовалась боль. Во дворце Клауса была купальня, и я проводила там много времени, да и сам он любил воду.

– Не надо, – сказал Эрвин, когда я подняла и расправила его плащ. – Чужих здесь нет, а свои не станут таращиться, даже если и увидят меня ненароком в таком виде. Накинь сама, если тебе холодно...

Я решительно помотала головой: разве это холод? Вот зимой на льдине нежарко, но в весеннем саду уж точно не замерзнешь!

– Тогда идем, – произнес принц, отпер дверь и провел меня каким-то коридором, которого я не знала.

Впрочем, в этом доме я могла попросту потеряться, потому что бывала только в своих покоях да вот еще в кабинете Эрвина, а в замкнутых пространствах, которые так привычны людям, ориентировалась куда хуже, чем в коралловых или скальных лабиринтах. Там хотя бы можно было всплыть повыше и посмотреть на хитросплетение коридоров сверху, отыскивая путь.

В саду было темно, а черемуха и сирень благоухали так, что у меня закружилась голова, и я невольно схватилась за локоть Эрвина, но тут же отдернула руку, опасаясь причинить ему

боль.

– Я не стеклянный, не бойся до меня дотронуться, – негромко сказал он и запрокинул голову. – Гляди, какая луна! А звезды... В августе их видно лучше, зато весной они будто умытые, такие ясные...

Я тоже посмотрела вверх: небо было так похоже на ночное море, когда оно светится, и за каждым плавником остается сияющий след...

– В такие ночи земля с высоты кажется прекрасной, – словно прочел мои мысли Эрвин, – такой, будто на ней нет места грязи, злу и боли. А потом ты спускаешься все ниже и ниже, и вместо пасторального пейзажа видишь вблизи все то, о чем не хотел даже думать. А тебе какой кажется земля после твоего подводного царства?

Вопрос застал меня врасплох. Да и как я могла ответить, не имея под рукой доски и грифеля?

Я придумала все же: оглядевшись, я коснулась кончиками пальцев нежного соцветия черемухи и восторженно улыбнулась, а потом выискала колючую ветку, прикоснулась к ней – и отдернула руку, больно уколовшись.

– Понятно, – негромко произнес Эрвин. Его белое крыло было почти незаметно в зарослях белой сирени. – Я отвлекся, а ведь собирался дорассказать тебе свою историю... Итак, мы принесли Элизу на другой берег. Думали нанять ей дом и слуг... что ты так смотришь?

Я потеряла палец о палец, как делали торговцы, мол, откуда же у вас деньги?

– Мне стыдно говорить об этом, но мы вынуждены были промышлять ночным ремеслом, – сказал Эрвин. Его профиль четко вырисовывался на фоне подсвеченных луной белых соцветий, и сейчас он был до такой степени похож на Клауса... – Мы были молоды и сильны, но днем мы могли лишь следить за кораблями, за гонцами, подслушивать разговоры... Но и то – лебедю не так просто спрятаться даже в портовом городе, мы слишком бросались в глаза. Зато ночами нам не было равных...

Он невесело улыбнулся и потянулся за веткой сирени, спрятав в ней лицо.

– Убивать нам тоже приходилось, – услышала я. – Мы прослыли удачливой бандой, и нам хватало на жизнь, даже с лихвой. Я вот стал отличным вором: я ведь был самым младшим, еще ухитрялся пробраться в дома через форточки, а то и дымоходы! Старшие... Старшие промышляли иначе.

Он замолчал, но я уже достаточно прожила среди людей, чтобы понять, что имеет в виду Эрвин.

– Представляешь, среди воров очень мало грамотных, – сказал он. – Нам доставались дорогие заказы – компрометирующие письма, секретные документы... Правда, будь мы голубями, нам было бы проще работать: лебеди все же очень приметные птицы!

Я обошла принца и осторожно коснулась белых перьев.

У русалок нет души. Когда мы умираем, то просто растворяемся в соленой морской воде и так остаемся со своими близкими. Люди же верят в то, что у них есть бессмертные души, которые забирает Создатель и которые смотрят потом на своих близких с небес, а бывает, спускаются к ним, осеняя их такими же белоснежными невесомыми крыльями...

– Михаэль устроил Элизу на время в одном домике неподалеку от города, – продолжил Эрвин. – Старшие думали, как быть, что делать с нею, а Элиза вдруг перестала говорить и принялась, будто одержимая, плести рубахи из крапивы. Андреас позвал колдуна со старого рынка, а тот только взмахнул руками да убежал, хотя до того лет десять не вставал с места и

требовал нести его на закорках или везти на тележке, если кому-то нужны были его услуги.

«Это было сильное волшебство», – подумала я.

– Мы понадеялись, что у нас есть шанс, – тихо сказал принц. Лебединое крыло бессильно волочилось по мокрой траве. – А потом Элизу увидел местный правитель – она всего-то вышла в соседнюю лавку за приправами, а он проезжал мимо. Он возжелал ее и забрал в свой дворец, сделал своей женой, и ему было все равно, умеет она говорить или нет! Он даже позволил ей взять с собой рукоделие...

Эрвин остановился под аркой, которую образовали ветви сирени и черемухи, и его темные волосы посеребрила луна.

– Ты, думаю, догадываешься, что при дворе Элизу невзлюбили, – продолжил Эрвин. – Немая красавица неизвестного роду-племени... Знакомо, правда?

Я кивнула.

– Вдобавок – ведьма, – выговорил он. – Она же, не переставая, плела эти рубашки из крапивы! На всех нас... И наконец муж ее не выдержал слухов и сплетен и отдал Элизу на суд народа... Народ же постановил сжечь ее, как ведьму.

Я только отвернулась: он был прав – это так знакомо!

– Она до последнего часа плела и плела эти рубахи. Даже на повозке, которая везла ее к костру, Элиза не оставляла работу... – Эрвин пошевелил крылом. – Мы едва успели, окружили эту проклятую телегу... Знаешь, лебедь – не такая уж слабая птица. Оказывается, я могу ударом крыла сломать нос стражнику! – Он негромко рассмеялся. – Ну а Элиза взялась накидывать на нас эти рубахи, и братья один за другим становились людьми. Только вот ее бросили в темницу прежде, чем она закончила последнюю рубаху, и хоть ей оставили рукоделие, крапивы все равно не хватило. Старшие братья стали людьми, а я...

Эрвин замолчал, и мне показалось, будто я ощущаю и стыд его, и облегчение от того, что он выговорился наконец, пусть даже не близкому человеку, а просто тому, кто мог и хотел выслушать его.

– Знаешь, – произнес он вдруг без тени усмешки, – сперва я считал, что, если бы крыло осталось лебединых размеров, мне было бы легче. Потом передумал: у птиц хрупкие кости, а переломанное бесполезное крыло намного хуже, чем просто бесполезное... Ну и вдобавок я теперь могу обойтись без одеяла, а в жаркие дни – прикрыться от солнца!

Эрвин улыбался, но я видела, как ему больно. Это была не телесная боль, хотя и ее он испытывал вдосталь...

– Элизу признали невинной, сказали, что она не колдунья, а вместо нее сожгли главного наушника, – тихо сказал он наконец. – Она счастливо живет со своим мужем, а Михаэль занял трон нашего отца. Нам с братьями досталось не так уж мало... Куда подевалась Лаура, не знает никто.

«Такие не пропадают бесследно», – подумала я.

– Вот и вся моя история... – негромко произнес Эрвин. – Я думал, это уже конец, но, кажется, ошибался.

«Я останусь с тобой, – сказала я про себя. – Хотя бы ради того, чтобы узнать, почему умер Клаус! Ты поможешь мне отомстить...»

О, горе тем, кто считает русалок нежными морскими девами, способными лишь петь о любви и заманивать моряков в пучину! Я умела делать и это, в ранней юности все так балуются... Но если убийца Клауса попадется мне в руки, клянусь, я разорву его на части, и помощь мне не потребуется!

– Дождь собирается, – сказал Эрвин, подняв голову. – Первая гроза в этом году. Идем в дом?

Я покачала головой и сделала то, что давно хотела: скинула туфли и ступила на прохладную влажную траву босыми ногами. Принц молча наблюдал за мной, а потом, когда порыв ветра бросил в лицо белые лепестки, сказал:

– Похоже на снег, правда? Люблю снег, но до зимы теперь далеко...

Раскат грома раздался совсем близко, и я вздрогнула от неожиданности. Пошел дождь, пока слабый, мелкий, но чувствовалось, что он скоро разойдется и будет поливать до рассвета, а то и сутки напролет.

– Не мокни, снова простынешь, – произнес Эрвин и расправил крыло. – Хотя о чем это я, в зимнем море куда холоднее, чем теперь! Я прав?

Я кивнула. Тогда, зимой, я заболела не столько от холода, сколько от горя. Я всегда считала, что это случается только с людьми, а не поди ж ты, оказалось, мы похожи куда больше, чем можно представить!

С лебединых перьев вода скатывалась, не смачивая их, и на меня попадали только случайные капли. А что ноги намокли – не страшно, это было приятно...

Сам Эрвин вымок до нитки, темные волосы облепили его виски, но он улыбался, подставляя лицо струям дождя.

– Жаль, я не могу жить в бочке с водой, – сказал он вдруг, а я вспомнила: Анна рассказывала мне, что Эрвин всем твердит о пользе закаливания и зимой запросто разгуливает в одной рубашке, а бывает, обтирается снегом. Летом же он пропадает на побережье, купается, бывает, в самый шторм, и никакой холод его не берет!

Должно быть, снег и холодная вода могли хоть немного утишить боль от ожогов... И я понимала теперь, почему Клаус так много времени проводил в молельне – в ней очень холодный каменный пол, и, должно быть, распростершись на нем, Клаус испытывал облегчение. Со стороны же это выглядело молитвенным экстазом и вызывало уважение придворных. Клаус всегда слишком много значения придавал чужому мнению, Эрвин был совсем иным!

Грозовые тучи, сдержанно погромыхивая, уползали прочь. Дождь понемногу утихал, хотя это ни о чем не говорило: он может снова разойтись к утру.

– А ты умеешь пла... – начал вдруг принц, но не закончил фразы и рассмеялся. – У кого я спрашиваю, вот глупец! Тут неподалеку есть бухта, там довольно глубоко, а со стороны ничего не разглядеть – скалы. Это мое любимое место с недавних пор... Составишь мне компанию?

Я закивала: у Клауса во дворце была купальня, но это совсем не то же самое, что вольные волны!

– Вот и славно, – произнес он и, подняв руку, качнул ветку белой сирени, обрушив на нас водопад душистых брызг.

От неожиданности я отшатнулась и упала бы, не поддержи меня Эрвин. Босую ногу что-то обожгло; я наклонилась и сорвала стебелек молодой крапивы, размяла в пальцах... Жжение быстро проходило, хотя пальцы немного чесались.

– Выбрось, – поморщился Эрвин, когда я показала ему растение. – Не хочу даже смотреть на это.

«Ты не понимаешь! – нахмурилась я, взяла его за руку и прижала измочаленный стебелек к его пальцам. – Не чувствуешь?»

— Трава как трава, — произнес он через несколько секунд. — Вовсе не жгучая... А! Я, кажется, понял, что ты имеешь в виду... Должно быть, я забыл сказать. Элиза поведала нам, когда мы стали людьми, а она снова заговорила: ей ведь явилась фея и научила сплести рубахи из крапивы, чтобы спасти нас. Но не из простой... — Эрвин помолчал. — Из кладбищенской. Обычная-то перестает жечься, как зацветет, а кладбищенская зла всегда. Потому, кстати, Элизу и обвинили в колдовстве, что видели ее ночью на кладбище, где она рвала эту дрянь... И нет, она не могла послать туда слуг, она все должна была сделать сама...

[Купить полную версию книги](#)